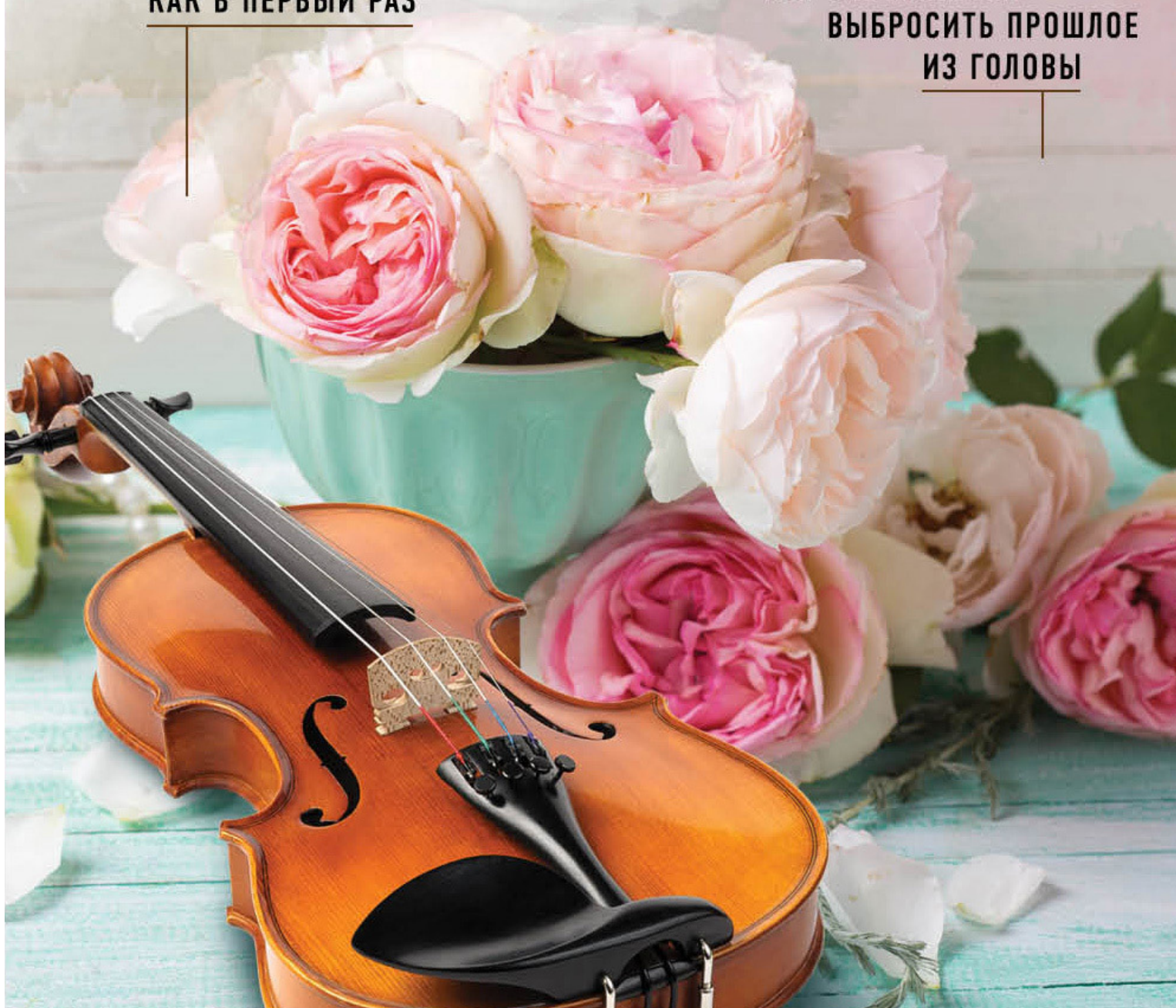

Матвеева ТРОНИНА

СЛИШКОМ КРАСИВАЯ,
СЛИШКОМ СВОЯ

ВЛЮБИТЬСЯ
КАК В ПЕРВЫЙ РАЗ

ВОТ ЧТО ПОМОЖЕТ
ВЫБРОСИТЬ ПРОШЛОЕ
ИЗ ГОЛОВЫ

Нити любви

Татьяна Трoнина

Слишком красивая, слишком своя

«ЭКСМО»

2018

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Тренина Т. М.

Слишком красивая, слишком своя / Т. М. Тренина — «Эксмо»,
2018 — (Нити любви)

ISBN 978-5-04-091958-1

Четыре женщины пронесли свою дружбу через года и по-прежнему не забывают друг друга. У каждой жизнь сложилась по-своему: Лиля живет за счет любовника, Надя выгнала мужа-изменщика и пытается его разлюбить, благоверный Раи пьет и распускает руки. И кажется, только Альбина счастлива: ее Леон пишет музыку, и она — его муза. Однако гармония пары рушится, когда Леон изменяет ей с лучшей подругой. Но кто из троих пошел на предательство? И что же сильнее — женская дружба или яркая страсть? Ранее книга выходила под названием «Звезды на ладони»

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-091958-1

© Тренина Т. М., 2018
© Эксмо, 2018

Татьяна Тренина

Слишком красивая, слишком своя

Надя опаздывала на десять минут.

Вообще, назвать ее непунктуальным человеком было бы неправильно – редко когда Надя заставляла кого-то ждать. Но она издали увидела Альбину, одиноко сидевшую за столиком летнего ресторана «Темные аллеи», и ей стало не по себе.

У Альбины было слабое сердце.

Правда, с этим слабым сердцем Альбина благополучно прожила тридцать лет и, как говорили врачи, могла прожить еще столько же, а то и больше, – но все равно Надю это утешало мало. Альбину нельзя было огорчать!

– Альбиночка, милая, прости! – заговорила Надя, с виноватой улыбкой подходя к столику. – Троллейбус в пробке застрял...

– Господи, Надя, какая ерунда! – укоризненно покачала головой Альбина. – Все в порядке. Это я сама не рассчитала время, пришла без пятнадцати пять... Райка с Лилей будут?

– Обещали, – сказала Надя, садясь в плетеное кресло.

То, что Рая с Лилей опаздывали, было вполне нормально – они всегда опаздывали, тут не только возмущаться, но даже удивляться бесполезно.

– Закажем что-нибудь? – спросила Надя.

– Нет, подождем их... Здесь хорошо, правда? Не перестаю восхищаться этим местом.

– Да, изумительно! – горячо согласилась Надя.

Ресторан был обнаружен случайно. – Однажды Лиля Лосева стриглась в наимоднейшей парикмахерской со стеклянными стенами. За одной из них был шумный центральный проспект, а за другой, противоположной, – лес. То есть никакой не лес, конечно, а обычный старейший парк, спрятавшийся в московских переулках, но этот контраст поразил Лилю. Когда сеанс закончился, Лиля немедленно отправилась на разведку.

Старый парк выглядел чудесно – тенистые аллеи, пруд со стрекозами, клумбы и тишина. А еще в парке был ресторан с элегическим названием. Лиля сунула нос в меню, понюхала аромат, доносившийся с кухни, еще раз окинула взглядом окрестности и пришла к выводу, что лучшего места для встречи четырех подруг нельзя и придумать. И ехать сюда, в центр, было одинаково удобно для всех...

– Ты похудела, – сказала ласково Альбина. – И синева под глазами... Плохо спишь?

– Нет, работы много... – Надя потерла виски. – А так все в порядке...

– Не ври, Надежда! – Альбина взяла ее за подбородок. – Ты все еще думаешь о нем?

– Неправда, неправда, трижды неправда! Я и имя его забыла! – с досадой дернула головой Надя. – И не будем об этом, Алька!

– Как скажешь, – мягко произнесла Альбина, и Надя опять ощутила укол совести. Огорчать подругу нельзя! Не только из-за слабого сердца, а вообще... Она такая милая.

Все располагало в ней – и внешний вид, и манеры. Была Альбина среднего роста и средней же комплекции – не худая и не толстая, а какая-то соразмерная, аккуратная. Движения у нее плавные, лаконичные: ничего лишнего – никакой аффектации или же, наоборот, зажатости. Бледное круглое личико, огромные карие глаза, глядевшие тревожно и в то же время доброжелательно... Нос, пожалуй, чуть великоват, но именно что чуть. Короткие черные волосы, блестящие и гладкие, челка мысыком. Прическа придавала Альбине немного детский, трогательный вид и очень шла ей.

Макияжем Альбина пользовалась умеренно – немного пудры светлого тона, почти не отличающегося от основного цвета ее лица, полупрозрачный блеск для губ – вот, пожалуй, и все. Одевалась она обычно в классические костюмы и предпочитала туфли-лодочки всем

остальным фасонам. Вот и сейчас на ней был летний льняной костюм песочного цвета – юбка до колена и приталенный жакет, а на ногах светлые туфельки на невысоком каблучке. Да, еще сумочка (к сумочкам Альбина питала особую страсть, их у нее было не меньше двух десятков) – светлая, летняя, из рисовой соломки, в тон лодочкам.

– Идут, – сказала Надя, увидев в конце аллеи знакомые фигуры. Высокая и тонкая принадлежала Лиле Лосевой, обладательницей другой, более круглой и объемистой, была Рая Колесова. Кроме того, у Раи Колесовой шевелюра сияла ярко-малиновым цветом.

– С Райкой что-то не то, – заметила Альбина, имевшая очень острое зрение. – Ревела, поди, только что...

– Наверное, из-за Колесова, – предположила Надя.

– Из-за кого же еще!

Тем временем две опоздавшие подошли к столу.

– Пробки какие везде, – безмятежно улыбнулась Лиля Лосева, – еле доехала. Поцеловалась бампером с каким-то дураком... Ну да ладно, ерунда все это. Надюша, Алечка... А мы у входа с Райкой столкнулись!

И Лиля нежно расцеловала своих подруг.

– Лилька, сто лет тебя не видела! – засмеялась Надя, ущипнув Лилю. – Ты где так загорела? На юга, что ли, уже успела съездить?

– Какие юга! Обычный солярий...

– Райка, а ты чего скуksилась? Садись поближе... – придвинула кресло Альбина.

– Мерси... – буркнула Рая и плюхнулась в кресло. – Сволочь, урод, скотина! – И она высморкалась в платок. Руки ее заметно дрожали.

– Кто? Тоже чуть не врезалась?

– Да нет... Колесов – сволочь, вот кто!

Альбина с Надей переглянулись.

– Райка, ты погоди, потом расскажешь, – строго сказала Лиля, положив Рае руку на плечо. – Давайте сначала что-нибудь закажем, а уж потом будем впечатлениями делиться.

– Логично...

Подошел официант, принес всем меню.

– Вино или пиво? – спросила Надя.

– Вино, – сказала Лиля, все так же безмятежно улыбаясь. – Тут есть каберне...

– Какое каберне?! – огрызнулась Рая. – Мы все за рулем, кроме Надьки!

– А у меня сердце, – напомнила Альбина. – Я вообще не пью, если кто забыл.

– Ладно, возьмем каберне, – согласилась Надя. – Мне, в общем, все равно...

– Лилька, ты же тоже за рулем! – опять напомнила Рая, напряженно вчитываясь в меню, – это занятие немного отвлекло ее, даже слезы на глазах высохли.

– Ну и что? – пожала плечами Лиля. – Немножко можно. За встречу. Вы вспомните, девчонки, когда мы в последний раз все вместе встречались?..

– Зимой, – коротко бросила Рая. – Колесов мне еще тогда фингал поставил, и вы ко мне приехали, чтобы тоже ему морду набить. Подружки мои дорогие...

– А Колесов на дачу удрал! – сердито сказала Альбина. – Нет, мы еще весной у меня встречались, когда Леон в Петербург уехал, на какой-то фестиваль. В конце апреля, помните?

Леоном звали ее мужа – Леонтия Велехова, композитора.

– Точно! Ты еще нам новую кухню показывала... – кивнула Лиля. – Потрясающий абрикосовый цвет и духовка с грилем!

Снова подошел официант.

– Что будем заказывать?

– Я на диете, мне какой-нибудь салатик... – восторгалась Рая.

– Котлеты по-киевски...

– Нет, лучше свиной эскалоп с картофелем фри. И десерт! Чизкейк, например...

– Девчонки, опять все перепутаем, когда будем рассчитываться! Давайте что-нибудь одно...

В конце концов сошлись на эскалопе с картофелем и чизкейке.

– Это убийство... – вздохнула Рая, обмахиваясь салфеткой. – Свинина, торт... Ладно, ужинать сегодня не буду.

Она вспомнила о своей драме и опять утерла слезу.

– Раечка, что случилось? – строго спросила ее Альбина. – Что он опять натворил?

Рая сделала паузу, нагнетая напряжение, и начала:

– Позавчера Колесов в половине второго приперся... Ночи, разумеется.

– Пьяный? – осуждающе покачала головой Альбина.

– Алечка, ты не перебивай...

– Хуже! Трезвый, – продолжила мстительным голосом Рая. – Сказал, что заказ срочный был, вот и пришлось допоздна задержаться. Ла-адно... Я ни слова ему, работа так работа. Вчера звоню Хромову, его начальнику. Мол, что ж вы, Петр Евгеньич, людей задерживаете, мой Колесов человек семейный, двое детей и все такое, пусть другие остаются... А Хромов мне прямо в глаза смеется. То есть в ухо. Я, говорит, ни при чем, вчера рабочий день в семь закончился, и Колесов твой ушел сразу, как только семь пропикало, а куда, говорит, не знаю...

– И где же он был? – сурово нахмурилась Лиля. – Если не пил, то что?..

– Вот именно! – мстительно произнесла Рая. – Трезвый как стеклышко... И пятьсот рублей в кошельке было – теперь нет, я специально к нему в карман слазила. Если не пил, то где он их оставил?

– Ну, пятьсот рублей в наше время... – протянула Лиля.

– Вот именно! Букет цветов, шампанское и коробка конфет. Как раз! – с удовлетворением произнесла Рая.

– Не хватит! – покачала головой Лиля. – Приличное шампанское в наше время...

– Это ты пьешь приличное шампанское, – перебила его Рая. – А Колесов на «Вдову Клико» тратить не будет! У бабы он был, вот что.

– У какой? – сочувственно спросила ее Альбина. – Ты ее знаешь?

– Узна-аю... – зловеще пообещала Рая. – Уж я волосенки ей все повыдергаю...

– Райка, так нельзя! – раздраженно перебила ее Лиля. – Сколько можно! Скоро десять лет, как ты его терпишь... Разводись.

– Он тебя недостоин, – печально произнесла Надя. – Знаешь, когда я оказалась в такой ситуации, то сразу и бесповоротно...

– В какой – такой? – раздраженно перебила ее Рая. – В какой – такой? Ты нас не сравнивай! Ты человек свободный, детей у тебя нет, а у меня пацанов двое! Как я их без отца оставляю?

– Рая... – проникновенно заговорила Альбина, положив ладонь на пухлую Райну руку. – Твой Колесов асоциальный тип. Он пьет, бьет тебя, изменяет, детьми совершенно не занимается... Зачем он тебе? Ты молода и симпатична, найдешь еще хорошего мужчину... Тебя и с двумя детьми возьмут!

– Нет, я не могу... – вздохнула Рая. – Я люблю его. Вы знаете, что такое любовь?

– Вопрос относится к категории риторических, и ответ на него необязателен, – пожалала плечами Надя.

– Умная ты наша... Нет, вы не знаете, что такое любовь, – совсем другим голосом сказала Рая.

Официант принес заказ.

Сквозь листву пробивалось жаркое июльское солнце, на открытую веранду залетела пара бабочек.

– Лучше бы я вообще за него не выходила, – заявила Рая, тыкая вилкой в картофель фри. – Лучше бы ты, Надька, за него вышла... Может, тогда все по-другому бы было.

– За кого? За Колесова? – изумилась Лиля.

– Ну да, он же за ней ухаживал...

– Он мне никогда не нравился, – раздраженно произнесла Надя. – Он-то, может, за мной и ухаживал, но я его ухаживания никогда не принимала. Я его насквозь видела.

Слова Раи относились к такому далекому прошлому, что Надя не восприняла их всерьез. Она почти забыла о тех днях. Геннадий Колесов действительно никогда ей не нравился. Он пугал ее. Пьющий красавец, грубая личность, бабник, мрачный демон... Это довольно распространенный мужской тип в России – притягательный и отталкивающий одновременно...

– Вот у Альбины муж хороший, – сказала Лиля. – Ей повезло.

– Ну, у него тоже есть свои недостатки, – пожала плечами Альбина, которая очень боялась сглазить свое счастье. – Мне, например, работу пришлось из-за него бросить.

– Да какая это работа! – отмахнулась Лиля. – Девчонки, давайте-ка я вам подолью... Ты кем была, Аля? Фармацевтом! Порошки в аптеке смешивала...

– Аля – прекрасный специалист! – вступилась за подругу Надя.

– За Леоном надо ухаживать, как за ребенком, – сказала Альбина и покраснела. – Он совершенно не приспособлен к жизни. Но я ни о чем не жалею. Он гений. Осенью в консерватории будут исполнять его новую композицию, приглашаю вас всех.

– Обязательно! – горячо откликнулась Надя.

– Как только, так сразу... – хмыкнула Рая.

На ее колкости уже давно никто не обижался – считалось, что Рае досталась тяжелая судьба и обижаться на нее поэтому просто неприлично. Подругам Раи полагалось сочувствовать ей, давать советы и критиковать Колесова. Она была когда-то очень хорошенькой. Впрочем, она и сейчас была довольно симпатичной, даже волосы малинового цвета, который она маниакально предпочитала всем остальным оттенкам современных красок для волос, не портили ее. Если бы не лишние килограммы, придаться к ее внешности было бы вообще невозможно.

– Я устала, – пожаловалась Альбина. – У меня сердце... Нет, правда, быть домохозяйкой – это тяжелый труд!

– Чистая правда, – мрачно согласилась Рая. – А прикинь, Алька, если бы у вас с Леоном еще дети были?

– Мне нельзя иметь детей, – опять напомнила Альбина. – У меня сердце!

– Райка, ты удивительно бестактная! – раздраженно произнесла Лиля. – Мы, конечно, понимаем, что жизнь у тебя не сахар, но всему же есть предел. Алька, не обращай на эту дуру внимания!

– Лилечка, да все в порядке, я совсем не обижаюсь...

– А у тебя как дела? – спросила Надя Лилу, чтобы немного разрядить обстановку.

– Все по-старому... Собирались с Зиной Трубецкой съездить в Испанию, но у Зины незапланированный ремонт, ее соседи сверху затопили... – лениво сказала Лиля, закуривая тонкую длинную сигаретку.

– А Адам твой как? – с любопытством спросила Рая.

– Адам уехал к матери, на целый месяц... – Пальцы у Лили тоже были длинными и тонкими, словно у музыкантки. И вся она была такой тонкой и одухотворенной, словно парила в каких-то высоких сферах, далеких от земной суеты.

– Сколько же вы с ним вместе? – наморщила лоб Рая.

– Двенадцать лет, – выдохнула колечко дыма Лиля. – Мне было семнадцать, кажется... Ну, словом, сразу после школы. Ему тогда – двадцать пять, двадцать шесть... Сейчас Адаму под сорок.

– Под сорок... – задумчиво повторила Альбина. – Вам давно пора жениться.

Альбину всегда беспокоила неустроенная жизнь подруг.

– Алька, ну что за ветхозаветные взгляды! – засмеялась Лиля. – Господи, ты как дитя... Нам с Адамом хорошо и так. Встречаемся раз в неделю или раз в две недели, каждый занимается своим делом, никто никому не мешает. Быт так убивает... Он делает, что хочет, у меня тоже никаких обязательств. У каждого своя личная жизнь. У меня бывают романы время от времени, у него, я полагаю, тоже... Но это не имеет никакого значения.

– Высокие отношения! – Рая давно справилась с эскалопом и теперь придвинула к себе блюдо с чизкейком. – Интересно, сколько тут калорий...

– Адам дает мне деньги, и немаленькие, на которые я существую, – напомнила Лиля.

– Ты у нас принцесса... – потрепала ее по плечу Надя.

В самом деле, Лиля за свои тридцать лет еще ни одного дня не работала – Адам содержал ее. Она и не хотела ничего – ни работать, ни учиться, она наслаждалась жизнью. Лиля не оговорила, когда сказала, что они с Адамом каждый занимается своим делом. Адам Блендис был бизнесменом, и довольно удачливым, ну а Лиля – прекрасной женщиной, которой надо было постоянно следить за своей внешностью. При том при всем глупой куколкой Лиля не была – она много читала, посещала все модные выставки, предпочитала авторское кино голливудским мелодрамам, у нее в знакомых ходила куча известных и интересных людей.

У нее были прозрачно-синие, с длиннейшими ресницами глаза и светлые волосы – негустые, но выющиеся и такие нежные и шелковистые на вид, что всякий хотел прикоснуться к ним ладонью. Помимо Адама, у нее была куча других кавалеров. Правда, ни один мужчина в ее жизни не задерживался надолго, и лишь Адам был величиной постоянной и неизменной.

– Все равно, мог бы и жениться... – проворчала Рая.

– Мог бы... – с каким-то странным выражением произнесла Лиля и отвела взгляд в сторону.

– Что ты, Лилечка? – встревожилась Альбина.

– Я тоже устала, – усмехнулась та.

– От чего, интересно? – взбила свои малиновые волосы Рая. – Девчонки, я нормально выгляжу? Вон тот мужик за крайним столиком, по-моему, на меня косится...

Несмотря на безумную любовь к Колесову, Рая не упускала случая пофлиртовать с кем-нибудь.

– Нормально, нормально... А устала я от жизни, – сказала Лиля. – Это у всех бывает. Пройдет... Ни с того ни с сего как накатит... Я говорю – пройдет.

– Невыносимая легкость бытия, – улыбнулась Альбина.

– Что? – Рая не воспринимала таких выражений. – О чем это вы?

– Так, ни о чем...

Едва шелестели листвой деревья в парке.

– Хорошо как здесь... – сказала Лиля. – И тихо.

– Это потому что лето, – заметила Альбина. – Летом жизнь в городе как будто замирает...

Лилька, поезжай в Испанию с Надей – вон она какая замученная.

– Надька, а правда, поехали?

– У меня нет денег на Испанию. Только на отдых в Подмосковье. И вообще, надо работу закончить.

– Ну уж две недельки-то всегда можно выкроить... – насупилась Лиля.

– Слушайте, а действительно, поехали куда-нибудь в Подмосковье? В дом отдыха? – неожиданно оживилась Альбина. – Хотя бы на неделю, а?

– Скука... И на самом деле Подмосковье твое не такое уж дешевое.

– Все равно, поехали! Все вместе, а?

Подруги переглянулись.

– Лилька развеется, для Альбины тоже будет очень полезно – у нее же сердце и все такое... – нерешительно произнесла Рая.

– Ты от Колесова отдохнешь! – напомнила Альбина.

– И Надьке мы там жениха найдем! – с энтузиазмом произнесла Лиля.

– Да!

– Неплохая идея...

– Устроим себе каникулы!

Все пришли в волнение. Мысль провести неделю вместе на природе неожиданно овладела умами подруг – и сейчас каждая из них уже рисовала себе в воображении прелести грядущего отдыха.

– Свежий воздух, природа... – пробормотала Надя.

– Мужчины! – с азартом произнесла Рая. – К черту Колесова, может быть, я там себе кого получше найду...

– Лиля же говорила – для Нади жениха...

– И Наде, и мне...

– Девочки, природа! Ведь не зря мы тут собрались, – Лиля повела рукой вокруг. – Это знак! Подсознание нам подсказывает, чего нам хочется: в лес, к воде, к своим корням... Хочется любви и обновления! Нет, мы потом, конечно, вернемся, каждая к своему корыту...

– Но зато посвежевшими и отдохнувшими, – закончила за нее фразу Альбина. – Надеюсь, Леон как-нибудь переживет. Всего неделю!

– Ярослав и Владимир с бабкой, на даче... – задумчиво пробормотала Рая, подумав о сыновьях. – Ну да, сейчас я совершенно свободна. Вот только Колесов... А, к черту его!

– Адам уехал, – напомнила сама себе Лиля. – И у Зины ремонт...

– Если я отдохну как следует, то, когда вернусь, закончу свою работу в два раза быстрее. С новыми-то силами... – засияла глазами Надя. – В самом деле, все уже так надоело тут... Проводить лето в городе – это самоубийство!

– Решено, – твердо произнесла Рая и залпом выпила бокал вина. – Едем.

– У меня знакомая в турагентстве, – деловито произнесла Лиля. – Она нам поможет хорошие путевки достать.

– Купальник новый куплю... – мечтательно пробормотала Альбина.

– А у меня уже есть! – обрадовалась Надя. – Приобрела зимой, на распродаже, за полцены. Еще пилила себя – зачем купила, все равно никуда не езжу... Вот и пригодится!

– У меня есть обалденные босоножки! – застонала Лиля. – Нет, девчонки, вы не представляете – пробковая подошва, а сверху свит такой ремешок – чтобы только большой палец просунуть, а на щиколотке...

Они забыли обо всем на свете. Их теперь волновало только одно – как замечательно они смогут провести время, вырвавшись на свободу. Красное вино ударило в голову, и даже примерная домохозяйка Альбина, которая не выпила ни капли, тоже словно захмелела...

Они разъехались только через два часа. Лиля на своей новенькой немецкой машинке бирюзового цвета, Альбина на подержанном, но чрезвычайно ухоженном авто японского производства, а Рая на «Жигулях» белого цвета, несколько помятых и с треснувшей фарой.

– Надька, садись ко мне, – пригласила Рая. – Нам все равно в одну сторону...

– Райка, ты пьяная!

– Я не пьяная, всего-то ничего выпила – один стакан... Садись!

Лиля мурлыкала себе под нос что-то легкомысленное. Она была хорошенькая, как ангел, со своими глазами, волосами и тонкими загорелыми ногами. Какой-то проходивший мимо мужчина загляделся на нее, споткнулся и едва не упал.

Подруги развеселились еще больше.

Лиля стала опять рассказывать про Зину Трубецкую, но ее никто не слушал – перебивая друг друга, говорили о своем.

– Ладно, поехали! – схватившись за голову, засмеялась Надя. – Чертовы болтушки... Рая! Она уже залезла в «Жигули».

– Созвонимся! – крикнула Рая и послала воздушный поцелуй Лиле и Альбине. – Уф... В машине было невыносимо душно, сиденья из кожзаменителя раскалены.

– Райка, только не гони! – попросила Надя. – Я боюсь...

– Дурочка, если едва тащиться, то точно остановят... Гаишники, они тоже не дураки. Но все обошлось благополучно.

Они уже свернули на ту улицу, в начале которой жила Надя и после которой начиналась улица Раи, как «Жигули» вдруг резко затормозили.

– Что? – испугалась Надя. – Что случилось?

– Колесов... – прошептала Рая. – Вон, по той стороне Колесов идет...

– Ну и что? Посигналь ему...

– Нет, мы за ним сейчас проследим! – с азартом охотника произнесла Рая.

– Зачем?

– Затем! Он наверняка к бабе своей идет...

Рая судорожно стала переключать скорости.

– Райка, выпусти меня, а сама делай что хочешь! У меня нет никакого желания заниматься этой ерундой!

– Поздно... – трагическим голосом произнесла Рая. – Он сейчас свернет. За ним! Надя, я не буду останавливаться...

По опыту Надя знала, что с подругой спорить бесполезно, а иногда и небезопасно – если уж Рая решила что сделать, то она непременно доведет начатое до конца. Надя сложила руки на груди и обреченно вздохнула.

«Жигули» медленно, но неотвратно ехали вслед за беспутным Райкиным мужем.

Гена Колесов работал в автосервисе. У него были золотые руки – об этом все говорили. Если бы он не пил, ему бы цены не было.

И, как уже упоминалось, он был от природы мучительно, дьявольски красив. Но не той лубочной, гламурной, неопределенно-лаковой красотой, которую тиражировали журналы и телевидение, а другой – той, что шла из народа, из глубины веков, от сохи, от земли, от древнего бога Перуна, от татаро-монгольского нашествия, от опричников Ивана Грозного, от партизан восьмьсот двенадцатого года, от хлыстов, от Гришки Распутина... вообще, от всех тех, кто ни в грош не ценил забубенную свою жизнь и кто был способен как на подвиг, так и на предательство – смотря к чему толкали клубящиеся вокруг страсти. Бог знает что было намешано в генах Гены Колесова – и неистовство викингов, и безвольная славянская кротость, и хитрость степных кочевников, и казацкая гордость, и цыганский азарт, и даже прибалтийская медлительность...

Он мог показаться на людях в чем угодно, хоть невымытый-нечесанный, хоть в опорках – все равно находилась женщина (или даже несколько), готовая идти за ним хоть на край света. Этой женской слабостью Гена, кстати, постоянно пользовался... Он был нежен и одновременно груб. О таких, как он, женщины помнили до самой смерти, помнили и проклинали, он же забывал своих подруг на следующее утро. Он любил только чужое – странная особенность жителей лесостепной полосы. Только то, что было для него недоступно...

Надя его боялась. Почему? Наверное, так пугает любая необузданная стихия, которая не может быть ни плохой, ни хорошей – она просто есть и все, и слабому человеку лучше не стоять на ее пути. Именно потому, что Надя его боялась, она не стала отвечать на его ухаживания в юности. Гена достался Рае.

Теперь он шел по улице усталой, шаркающей походкой, в потертых джинсах, джинсовой же жилетке нараспашку и пыльных сандалиях на босу ногу. Ему следовало бы давно побриться и подстричься, но он почему-то этого не делал. Разумеется, не из пижонских соображений – имидж знойного мачо, конечно, в моде, но Гене, скорее всего, было просто лень заниматься такой ерундой.

Брутальная личность, одним словом. И было в нем что-то такое...

– Урод... – с ненавистью и обожанием прошептала Рая, вцепившись в руль. «Эх, Рая, ну почему ты не чужая...» – буквально так озвучил однажды ее муж свое кредо. – К бабе идет... Второе свидание. Или третье...

– Как ты определила? – спросила Надя.

– На первое, я ж говорила, он цветы тащит и шампанское! – сквозь зубы произнесла Рая. – Ну ничего, я его новой зазнобе волосенки-то повыщипываю...

– Я при этом присутствовать не собираюсь, сразу предупреждаю!

– Да ради бога!

Рая упорно ехала за Колесовым.

Надя решила немного отвлечь ее.

– Нет, нам всем определенно нужны каникулы, – сказала она. – Всем четверым. Да, еще можно захватить и Зину Трубецкую...

Зина Трубецкая была подругой Лили, но, поскольку на дне рождения Лили все встречались и с Зиной, то, хоть и с натяжкой, ее можно было посчитать пятой в их компании.

– Я тогда повешусь, – заявила Рая. – Кто угодно, только не эта Зина...

– Она, конечно, довольно сложный человек, но ее тоже можно понять...

– Ты-то ее поймешь, а вот она нас – нет. Она и Лильку с трудом понимает – ну где-то так, на грани... Эта Трубецкая, кукла крашенная, еще та штучка. Недаром же она мужа своего, миллионера, в гроб свела.

О покойном муже Зины ходило много слухов, но никто ничего не знал точно. Он в самом деле был очень богатым человеком и оставил своей вдове солидный капитал.

– Она золото любит, а не людей, – в сердцах бросила Рая.

– Ты тоже любишь золото, как я погляжу! – засмеялась Надя. Она ничуть не преувеличивала. Пальцы у Раи были в перстнях, даже мизинцы окольцованы, тяжелый браслет на запястье, цепь с кулоном на шее, массивные серьги... Впрочем, все – низкой пробы, относительно дешевое, ширпотребное.

– Да я специально на себе все цапки ношу, – сказала Рая. – Знаешь, почему? Чтобы Колесов не пропил...

– А-а...

– Кстати, Зина Трубецкая – лысая. Абсолютно. От нервов. Как бильярдный шар, – злобно сообщила Рая.

– Не может быть!

– Ей-богу.

Надя задумалась.

– Нет, Раечка, ты все-таки что-то путаешь, – наконец произнесла она. – Зина Трубецкая не может быть лысой. У нее средства, она может позволить себе пересадку волос и все такое...

– Не может! – ликуяще произнесла Рая. – У нее на голове что-то вроде экземы – тоже от нервов. На больную кожу волосы не пересаживают – они на ней не удержатся.

– Какой ужас! Бедная Зина...

– Вот поэтому она все время в платке ходит. Навертит себе тюрбан до потолка... И в Испанию потому с Лилькой отказалась ехать – не в ремонт дело, а в том, что она лысая. Кстати, Колесов прямо к нашему дому направляется... Что бы это значило?

– Думаю, то, что человек просто идет домой! – с досадой воскликнула Надя. – Все, я выхожу...

– Нет, просто та баба ему надоела, – покачала головой Рая. – Все-таки он меня любит!

– Райка, я выхожу... – Надя разозлилась окончательно. – Ты просто сумасшедшая! Бред ревности – вот как твое состояние называется... Следить за собственным мужем...

Тем временем Гена скрылся в подъезде собственного дома. Рая припарковалась неподалеку.

– А ты разве за своим не следила? – спросила она, ставя машину на ручной тормоз.

– Нет, – отвернулась Надя.

– погоди... – Рая вцепилась в ее руку своей пухлой ладошкой. – Так что же, ты до сих пор так и не знаешь, к кому он ушел?

Наде этот разговор был неприятен. А Рая как-то странно, испытующе смотрела на нее...

– Не знаю. И знать не хочу!

– Разве вы с Прохоровым не виделись после развода? – упорствовала Рая.

– Нет. А зачем?

– Ну... Слушай, Надежда, может, ты его и не любила вовсе?

– Наверное! Семь лет просто так вместе жили...

– Ты страшный человек, Надя, – заявила Рая, поправляя свои малиновые волосы, успевшие прилипнуть к влажной шее. – Я твоего Прохорова понимаю...

– А я тебя не понимаю! Ты столько лет живешь с этим чудовищем...

– Колесов нормальный мужик! – возмутилась Рая. От того, что муж на ее глазах вернулся домой, настроение у нее моментально улучшилось. – Ладно, Надежда, не переживай – мы тебе найдем нового мужа. Там, в доме отдыха...

– Мне никто не нужен!

– Я лучше знаю, – безапелляционно заявила Рая.

Надя заглянула в ее круглые карие глаза – дна у них не было... Два колодца в бездну. А что там, внизу, – неизвестно.

* * *

Солнце уже садилось за дома, когда она оказалась в своей квартире.

Было тихо, тепло и невыносимо тоскливо. «Надо хоть кошку завести...» – мелькнула мысль.

Раньше Надя не боялась одиночества, она даже мечтала о нем. О нем и о тишине. Егор Прохоров всегда включал телевизор на полную громкость, от которой закладывало уши, Егор Прохоров любил глупый футбол. Егор Прохоров, разговаривая с друзьями по телефону, орал в телефонную трубку: «Привет, старик...»

Потому что есть просто одиночество, когда рядом никого нет, и есть одиночество, когда рядом нет Егора Прохорова.

Райкин последний вопрос занозой сидел в мозгу.

В самом деле, почему она так и не увидела ту, к которой ушел ее бывший муж? «И слава богу, что не увидела, – тут же успокоила она себя. – Она бы снилась мне по ночам. Я бы представляла их вместе. А когда не знаешь, то и представить ничего нельзя!»

Она выпила чашку чаю, который моментально прогнал последние пары каберне, и села за письменный стол. Глянула на монитор: «...если бы мы каждую минуту своей жизни помнили о том, что в конце нашего существования стоит смерть, то сошли бы с ума еще в ранней юности, ибо предчувствие неотвратимого приговора способно отравить сознание, и любая радость теряет смысл в тени гробового входа...»

– Ужас какой! – вздохнула Надя, щелкая пальцами по клавиатуре компьютера. – В тени гробового входа...

Надя переводила роман современного культового писателя Гюнтера Клапке. Рукопись надо было сдать в издательство в конце сентября. Со сроками Надя вполне успевала, но мрачный пафос потомка древних тевтонцев ее угнетал, и оттого работа продвигалась со скрипом, мучительно.

Егор Прохоров мешал Наде, когда жил здесь, – шумом, который он производил, щенячьим желанием привлечь к себе внимание («Наденька, да оторвись ты от своего монитора, поговори со мной!...»), самим фактом своего существования рядом. Она часто мечтала об одиночестве и тишине, когда битый час мучилась над каким-нибудь заковыристым словечком, которое надо было перевести в точном соответствии с авторским замыслом. Потому что рядом был Егор – пуп земли и центр вселенной.

Теперь Егора не было, но не было и долгожданного покоя.

«Нет, лучше бы я узнала все. Увидела бы ее. И не воображала бы сейчас всякой ерунды...»

Просидев до половины ночи над переводом, Надя легла спать.

Телефонный звонок взорвал черную тишину.

На часах – половина четвертого.

– Алло! – испуганным сонным голосом прошептала Надя в трубку.

– Наденька, я умираю... – затрепетал рядом с ухом плачущий голос.

– Господи, что случилось... Райка, ты, что ли?

– Я! Надя, ты не представляешь...

Страх моментально отлегло от сердца. Это была Рая – а Рая время от времени любила разыграть трагедию, не хуже мрачного тевтонца Гюнтера Клапке.

– Да что случилось!

– Представляешь, поднимаюсь домой, а его там нет!

– Кого нет?

– Да Колесова же! – закричала Рая. – Ну, ты сама видела, что он в подъезд вошел...

Надя с трудом припомнила события вчерашнего вечера. Наконец сообразила, что говорит подруга: Гена Колесов вошел в подъезд, но в квартире его не оказалось.

– А куда же он девался? – удивленно спросила она, снова упав головой в подушки и закрывая глаза. Спать хотелось невыносимо. Может быть, инопланетяне похитили беспутного Райкиного мужа прямо из лифта, когда он поднимался наверх? Или он просто дематериализовался перед дверями своей квартиры, едва поднеся ключ к замку?

– Да у Катьки он был, у Катьки с третьего этажа! – взвизгнула Рая.

– Ты уверена? – пробормотала Надя, усилием воли не давая себе заснуть.

– Абсолютно! Я с ним через дверь говорила, с ним и с Катькой... Но они побоялись мне открыть. Вот, я выследила-таки эту гадину!

– Какой кошмар...

– Надька, ты должна ко мне срочно приехать, иначе я на себя руки наложу... – зарыдала Рая. – У меня такое состояние, ты просто не представляешь!

– Рая, успокойся... – забормотала Надя, не в силах открыть глаза. – Руки на себя накладывать не надо, у тебя дети как-никак... Ты должна расстаться с ним. Пусть остается у этой Катьки! Выпей валерьянки и ложись спать, а завтра подай на развод...

– Надя, так ты не придешь?!

– Господи, Рая, но я же ничем не смогу тебе помочь... – застонала Надя, думая про себя, что по-хорошему следовало бы бежать к подруге и спасать ее. Но сцены, подобные нынеш-

ней, разыгрывались уже неоднократно, и каждый раз Рая грозилась наложить на себя руки, но почему-то не накладывала... Может, сейчас тоже обойдется?

– Какая же ты подруга после этого!

– Раечка, я легла всего час назад, я дико хочу спать... Позвони Лиле – она не работает, она совершенно свободна, она за три секунды подъедет к тебе!

– Мне не нужна Лиля, мне нужна ты! – вопила Рая. – Нет, я точно на себя сейчас руки наложу...

– Раечка, я не могу. Я же говорю – позвони Лильке. Чем она хуже меня? – рассердилась Надя. – Почему именно я должна все время тебя спасать? Теперь ее очередь...

Рая замолчала. Надя слышала в трубке ее обиженное пыхтение.

– Все, Шелестова, ты мне не друг больше, – наконец зловеще произнесла она. – Между нами все кончено. И запомни – моя смерть будет лежать на твоей совести!

Надя положила трубку на рычаг и выдернула шнур из розетки. По опыту она знала, что Рая может перезвонить...

Они жили в соседних домах. Альбина, Рая, Лилия и Надежда.

Это называется – дворовая дружба.

Так получилось, что ходили в разные школы, но это ничего не значило – почти каждый день они встречали друг друга во дворе. Старые дома, в которых они жили, глядели друг другу в окна.

Надина семья считалась интеллигентной, оба ее родителя работали инженерами в НИИ. Лиля Лосева жила с мамой – завхозом на каком-то заводе. Мама Раи трудилась официанткой в кафе, отец то появлялся, то пропадал, и социальная принадлежность его была весьма неопределенной. Мама Альбины преподавала в школе для слабослышащих, а отец умер, когда Альбине было семь лет, он был человеком пожилым и очень больным, вероятно, порок сердца передался Альбине по наследству...

Потом старые дома пошли под снос, и девочки разъехались в разные районы. Но на этом их связь не прервалась, как часто бывает, – они продолжали перезваниваться и встречаться и, несмотря на наличие новых знакомых, все равно выделяли друг друга.

Райка всегда была взбалмошной и упрямой. Лиля несла на себе корону красавицы. Альбина считалась самой приветливой и деликатной, и еще ее нельзя было обижать: во-первых, из-за больного сердца, а во-вторых, она, несмотря на свою благожелательность, была человеком очень обидчивым. А Надя являлась для них для всех чем-то вроде соединяющего центра, поскольку обладала характером веселым и незлобивым. Потом, когда она, единственная из подруг, окончила университет, они на нее повесили ярлык «синего чулка» и даже подсмеивались над ней, но не всерьез, а с уважением.

Надя проснулась довольно рано и с приступом раскаяния.

А вдруг с Раей действительно что-то случилось?

Она включила телефон и торопливо принялась набирать номер подруги. Но там все время было занято. Тогда Надя позвонила Лиле – об Альбине речь не шла, поскольку даже у глупой Райки хватало ума не беспокоить лишний раз больного человека.

Сначала трубку долго никто не брал. Звонить на сотовый, Надя знала по опыту, тоже бесполезно: Лиля была, ко всему прочему, еще и самым загадочным человеком в их компании – она умела пропадать. Есть-есть она – и вдруг нету, хоть обзвонись по всем известным номерам. Такое бывало часто. Например, год назад Надя с Раей и Альбиной целых два месяца ничего не знали о Лиле – та как сквозь землю провалилась! Правда, потом, после своих «пропаданий», Лиля обзванивала подруг и сообщала, что была в отъезде, или что у нее настроения не было ни с кем общаться, или что она отдыхала с Адамом на Балтийском побережье...

– Алло... – неожиданно отозвался Лилин голос. – Ну кто там с утра пораньше?

– Лилечка, это я. С Раяй приключилась очередная история, – зачастила Надя. – Она позвонила мне среди ночи и заявила, что ее надо спасать, потому что Колесов...

– Слушай, Шелестова, у тебя хватило ума не поддаваться на ее провокации? – строгим голосом перебила Лиля.

– Да, но теперь меня мучает совесть – а вдруг...

– Вдруг ничего не бывает! – сердито засмеялась Лиля. – А то ты Райку не знаешь! Она и меня время от времени на прочность пробует, но меня голыми руками не возьмешь.

– Понимаешь, она была в истерике – Колесов отправился к очередной пассии, некоей Катке с какого-то там этажа, уже не помню...

– Она просто дура! Ей давно пора бросить этого идиота – и всем сразу же станет легче!

– Вот-вот, я именно так ей и сказала, но она на меня обиделась... – уныло вздохнула Надя.

– Ладно, сейчас я с ней поговорю.

– У нее все время занято! Знаешь, именно это меня и беспокоит...

– Если занято, значит, она со Светланой Петровной треплется. Жалуется ей на Генку.

Светланой Петровной звали Раину маму, которая летом проживала на даче с внуками.

Лиля перезвонила через полчаса.

– С Райкой все в порядке, – деловито бросила она. – Жутко злая и ругает тебя последними словами...

– Ну вот... – огорчилась Надя.

– Ничего, я ей мозги вправила. Теперь она ругает меня, что десять лет назад я не отговорила ее от брака с Колесовым.

– О господи...

– Надя, милая, да все в порядке! К вечеру она вообще все забудет, а через неделю и с Колесовым помирится. Кстати, у меня новость – я договорилась со своей знакомой из турагентства. И она обещала достать нам шикарные путевки. Между прочим, не в дом отдыха, а в санаторий. Это куда лучше – ведь здоровье-то у нас, сама понимаешь, уже далеко не девичье.

– Здорово... – пробормотала Надя.

– Лес, речка, сауна, массаж, лечебные процедуры, прогулки на лошадях... ну, в общем, все.

– А Рая сможет поехать? Ну, после вчерашнего...

– Никуда не денется, – жестко произнесла Лиля. – Ты же знаешь, я мастер шантажа – она со своими жалкими провокациями мне и в подметки не годится. Ну а с Алькой без проблем – если уж она обещала, то это наверняка...

– Значит, пора паковать чемоданы? – засмеялась Надя.

– Пора, мой друг, пора! Я, кстати, перерыла свой гардероб – столько старья! Просто неприлично в таком на людях появляться... – пожаловалась Лиля. – Ближайшие пару дней посвящу шопингу. Зина Трубецкая говорит, что я очень отстала от модных тенденций...

– Ах, Зина Трубецкая! Тебе не кажется, что она имеет на тебя то же влияние, как на меня – Рая?

Настроение после разговора с Лилей резко улучшилось. Рая не наложила на себя руки, она едет отдыхать со своими любимыми подругами, все просто замечательно... А с Гюнтером Клапке можно потом разобраться!

– «Предчувствие неотвратимого приговора...» – хихикнула Надя, вспомнив, как вчера мучилась над переводом. И ей тоже нестерпимо захотелось сделать ревизию своего гардероба.

Она раздвинула створки огромного шкафа, напоминающего дом. Внутри пахло лавандой и геранью – первое средство от моли. Когда ушел Егор Прохоров, Надя решила стать хорошей хозяйкой и вообще – не опускаться.

Шкаф был куплен в первые годы супружеской жизни на одной из распродаж, к которым питала слабость Надя. Цифра на ценнике была перечеркнута и заменена на новую, вдвое меньше прежней. Это на нее тогда так подействовало, что она немедленно купила это гигантское чудовище, ростом почти до потолка – без стремянки на верхние полки и не заглянешь...

А вот желтое платье из вискозы, светло-зеленый сарафан, розовые брючки до колена, со времен юности... Интересно, впору ли они?

Надя решила немедленно это проверить. Скинула с себя ночную рубашку и влезла в брюки. Как раз! И цвет вполне актуальный для летнего отдыха в Подмосковье... Если бы у них с Прохоровым были дети, она бы точно поправилась. Но детей они не успели завести. Хотели, но не успели... Впрочем, оно и к лучшему.

Вот темно-вишневое открытое платье... Надя уж и забыла про его существование. Защищала когда-то в нем диплом. «Весьма нескромно, деточка...» – ласково сказала ей тогда старенькая профессорша, курировавшая ее работу. Но ничего, обошлось, диплом сдала на «отлично». Наверное, платье тоже следует взять с собой. Для этих... для вечеров.

Надя немедленно натянула платье на себя.

Из большого зеркала на нее смотрела молодая женщина с сонным бледным лицом и растрепанными рыжевато-каштановыми волосами чуть ниже плеч. Ничего особенного. Не толстая – ну и на том спасибо...

Надя повернулась, повела обнаженными руками, словно танцуя менуэт, затем приблизила лицо к зеркалу. Глаза светло-карие, с золотистыми искорками. Веселые глаза, несмотря ни на что. И морщин нет. О, она еще совсем ничего... И вишневый цвет как идет!

Эта мысль еще больше подбодрила Надю. Кажется, где-то лежит брючный костюм такого же оттенка...

Она притащила стремянку и, придерживая платье за подол, полезла вверх. На верхних полках лежало какое-то старье. Где же костюм?

Надя обнаружила свитер Егора и швырнула с досадой вниз. Выбросить!

Под свитером обнаружился сложенный листок бумаги.

Не особо задумываясь, Надя развернула его – и опять ей стало не по себе от знакомой размашистой вязи. Почерк Егора:

«...все было ошибкой, все! Мы разные люди, у нас разные желания, и мы никогда не сможем понять друг друга. Мы чужие, чужие с самого начала, и даже чудо не помогло бы нам быть вместе. Я хочу сказать тебе, что все кончено – не стоит растягивать эту комедию, эту игру в любовь, эту имитацию страсти. Лу-лу! Обойдемся без лишних слов, закончим спектакль...»

Надя покачнулась и едва не упала, в последний момент схватившись за верхнюю перекладину стремянки. Прошло уже много времени с тех пор, как от нее ушел Егор Прохоров, но сердце каждый раз болезненно отзывалось на любое напоминание о прошлом...

– Зануда! – с яростью произнесла Надя и разорвала письмо на мелкие клочки. Подбросила их к потолку. Они медленно посыпались вниз, кружась в воздушном водовороте, и утреннее солнце бликовало на белой гладкой бумаге.

Обрывки письма упали на пол и остались лежать на нем причудливым узором.

– Комедия, имитация страсти, игра в любовь... Слова-то какие подобрал! – бормотала она, спускаясь вниз. – Значит, все семь лет, что мы жили вместе, для тебя были просто спектаклем, да?

Надя притащила швабру и принялась мести обрывки в сторону коридора. Ее трясло от ненависти. Оставил ли это письмо Егор специально, чтобы она нашла его в самый неподходящий момент, или просто забыл его на полке в шкафу? «А почему Лу-лу? – вдруг подумала она, опершись на швабру. – Зачем он назвал... то есть обозвал меня Лу-лу? Какая же я Лу-лу? Лулу... Что-то французское, манерное есть в этом прозвище... Может, он хотел намекнуть на мою неискренность и неестественность, которые находил во мне? К Зине Трубецкой часто

обращаются – Зизи. Нет, в письме было именно «Лу-лу» – через дефис, а не Лулу... Лу-лу, ля-ля, ла-ла! Тили-тили, трали-вали... Нет, «лу-лу» – не имя и не прозвище, а какой-то звуковой мусор, как сказала бы моя бывшая профессорша. Да с чего я взяла, что это обращение? И вообще, почему я об этом думаю?!»

Надя в очередной раз дала себе слово не думать о Егоре.

Солнце светило в окна так ласково, так многообещающе, что она решила – надо влюбиться в кого-нибудь. Это поможет ей выбросить прошлое из головы. Вот окажется она в санатории – молодая, красивая, умная, – и все мужчины падут перед ней ниц...

* * *

– Почему ты решила ехать со мной? – спросила Лиля. Она сидела за рулем и не отрывала глаз от дороги.

– Раиса меня бы замучила, – призналась Надя. – Болтала бы, не замолкая, о Колесове, а у меня и так голова болит. Не спала опять полночи, переводила... С тобой ехать гораздо приятнее.

– Да, я тебя понимаю, – кивнула Лиля. – Райка у меня тоже в печенках сидит. Как бы не испортила нам весь отдых...

Они выехали за МКАД и теперь мчались по широкому ровному шоссе – мимо мелькали леса и дачные поселки.

– Лилька, не перестаю удивляться, какая ты красивая! – с восхищением сказала Надя, любуясь подругой. – У тебя такие глаза... Небесная лазурь! Если бы я не знала тебя сто лет, я бы решила, что ты пользуешься контактными линзами...

Лиля польщенно засмеялась.

Она и вправду была сегодня особенно хороша, в этом новом платье с рисунком из васильков – квинтэссенция простоты и изящества. «Зинка умрет от зависти», – сказала Лиля себе, когда покупала это платье в одном из центральных универмагов.

– Знаешь, к нам, может быть, Зина Трубецкая на денек заедет, – сообщила Лиля, уверенно держа руль. – Ну, не сегодня, не завтра – а так, когда получится...

– Зачем?

– Я думаю, ей любопытно, как мы будем проводить время, – засмеялась Лиля.

– Так оставалась бы с нами подольше...

– Подольше она не может – у нее ремонт.

Надя хотела спросить – правда ли, что Зина Трубецкая совершенно лысая, но потом решила, что ее вопрос прозвучит глупо. В самом деле, не стоило озвучивать Райкины сплетни!

Они ехали долго – солнце уже приближалось к зениту. Наконец за одним из поворотов появился указатель со стрелкой «Хрустальные ключи» – 400 метров».

– Ого! – обрадовалась Надя. – Вот и добрались.

– И что за ключи у них там такие... – с любопытством и недоверием пробормотала Лиля. – Ладно, будем надеяться, что Кариночка отправила нас в хорошее место. Кариночка – это та знакомая из турагентства...

У ворот солидный охранник проверил их фамилии по списку.

– Добро пожаловать, дамы, прямо и налево – там машину свою можете оставить...

За воротами, на территории санатория, было так хорошо, что Надя запрыгала от радости на сиденье:

– Лилька, красотища! Мне тут нравится!

– Ты погоди, Надь, мы еще не вникли...

На стоянке их ждал приятный сюрприз. Альбина и Рая. Прибыли немного раньше...

– Девчонки! – завизжала Рая, едва не бросаясь под колеса Лилиной машины. – Приехали-и!

– Райка, сумасшедшая... – вовремя перехватила ее Альбина.

Поцелуи, охи, ахи, объятия, беспорядочный обмен впечатлениями...

Они уже пошли к центральному корпусу, где была администрация, как Альбина вдруг остановила их:

– Нет, вы только посмотрите на нашу Лильку! Разве вы не заметили?

– Что? Что?

– Машина у нее голубая – это раз, платице – тоже... Лилька, признавайся, ты все вещи под цвет глаз выбираешь?

– Я давно заметила! – засмеялась Надя.

– А Райка у нас сегодня тоже красавица...

На Рае были короткие трикотажные брючки и оранжевый топик, демонстрирующие щедрые формы их обладательницы.

У каждой был отдельный номер – четыре двери подряд.

– Ненужная роскошь... – пробормотала Альбина, гремя в просторном коридоре ключом с массивным брелоком. – Мы могли бы и парами поселиться.

– Кто с кем? – с усмешкой спросила Лиля. – Мы бы передрались, пока решали. Я знаю, например, что Райка храпит. Кто бы с ней согласился жить?

– Я храплю?! – возмутилась та, высунув голову обратно в коридор. – Гнусная ложь! А после тебя, Лилька, в комнату войти невозможно!

– Это почему же? – опешила Лиля, нежное и возвышенное существо.

– Да ты весь воздух испортишь своими духами-одеколонами!

– Девочки, прекратите, – остановила их Альбина. – Я сказала глупость...

– Встретимся через час, в столовой! И помните – мы не должны связывать друг друга, мы совершенно свободны...

«Как хорошо... – опять восхитилась Надя, оказавшись в своем номере. – Нет, мне здесь определенно нравится!»

Однокомнатный номер был чистым и просторным. Все блестело и переливалось в солнечных лучах – деревянный паркет, деревянная, покрытая лаком мебель, хромированные завитушки светильников, застекленная репродукция на стене...

Надя отодвинула легкую прозрачную занавеску – там был балкон.

Она открыла его – все тот же свежий, с незнакомым ароматом ветер, который она ощутила еще на стоянке, но который не успела пока распробовать, плеснул ей в лицо. Совсем не такой, как в центре Москвы...

Под окнами росли деревья, а дальше, в дымном золотом мареве, был виден изгиб реки. «Прохоров... – грустно подумала Надя, вспомнив о своем бывшем супруге – вопреки всем своим клятвам и зарокам. – Что же ты наделал... Представляешь, как нам было бы хорошо здесь вдвоем?» Она еще не отучилась от привычки представлять всегда и везде своего бывшего супруга рядом с собой.

Надя переоделась – в те самые розовые брючки и белую майку, открывавшую руки и плечи. Хотела уже идти к какой-нибудь из подруг, но потом вспомнила – они совершенно свободны, они не должны друг другу мешать... Надя легла поверх покрывала на широкую кровать – на минутку, передохнуть.

Сон неожиданно сомкнул ей веки.

«Я здесь – ты угадала», – сказал Прохоров. Он появился неожиданно, из-за балконной двери. Сел на край кровати и погладил ее по босой ноге. Надя удивилась его появлению, но не очень. Ведь на самом деле она ждала чего-то подобного все это время. «Каким образом?» – все-таки для вида спросила она. «Ты подумала обо мне – и я пришел».

И она – та Надя, что плавала сейчас в золотом летнем сне, – подумала: хорошо, что он здесь. Может быть, все то, что произошло с ними раньше, исчезло и они снова вместе. Она его не выгоняла («Все кончено, Прохоров! Никогда не прощу! Убирайся!..»), а он не уходил никуда со злым, бледным, сумасшедшим лицом («Ну хотя бы поговорить ты со мной можешь, Надя?!»).

«Разве ты не разлюбил меня?» – спросила она. «Глупости какие! – сердито произнес он. – Ты же знаешь, Надька, я всегда любил только тебя!»

«Наверное, мне действительно приснилось, что мы развелись», – подумала она во сне.

У него были темно-русые, коротко стриженные волосы, нос с маленькой горбинкой (она называла ее французистой и считала очень пикантной), серые глаза – ну да, это он, Егор Прохоров. «Что ты меня разглядываешь? – удивленно спросил он. – Давно, что ли, не видела?» – «Давно, – сказала она. – Давно, Прохоров, очень давно!..»

А потом зазвонил будильник.

Надя села на кровати, огляделась по сторонам – никого. На тумбочке заливался сотовый.

– Але...

– Шелестова, ты спишь, что ли? – изумленно спросила Лиля. – Мы уже в столовой, полчаса тебя ждем... Немедленно спускайся, соня!

– Да... сейчас.

Надя влезла в босоножки, заперла дверь и поскакала вниз по лестнице. Столкнулась с каким-то мужчиной у перил, не глядя, отпихнула от себя.

– Осторожней, девушка! – В голосе не было гнева, лишь удивление.

Столовая располагалась в огромном зале с мраморными колоннами, увитыми искусственным плющом. Ослепительно-белые скатерти...

Лиля, Рая и Альбина сидели возле раскрытого окна, занавеска трепетала над их головами.

– Ну вот, наконец-то...

– Явилась, не запыхалась!

– Девочки, посмотрите – у нее даже подушка на щеке отпечаталась!

Альбина похлопала ладонью по стулу рядом с собой.

– Иди ко мне поближе...

– А что у нас на первое? О, мясная солянка... – обрадовалась Надя.

– Это убийство, – кисло произнесла Рая, отпивая ягодный морс из стакана. – Первое, второе, третье... Да, и еще закуска! Вот, Надя, буженинка – твоя порция...

– И булочки – свежайшие, с маслом, – напомнила Альбина.

– Так чем же ты недовольна? – удивилась Надя, искоса посмотрев на Раю.

– Как – чем? – закудала та. – Станный вопрос к человеку, который сидит на диете...

– Так не ешь все подряд! – хихикнула Лиля.

– Я не могу! Уплочено же...

Рая произнесла это слово именно так, с неподражаемой интонацией. Все засмеялись. Рая работала бухгалтером в магазине, торгующем строительными материалами.

Альбина тоже переоделась – на ней был очередной костюм нейтральной расцветки, на ручке стула висела новая сумочка – холщовая, с плетеными ручками.

– А меня совесть мучает... – улыбнулась она. Альбина сидела, держа спину прямо, как всегда. – Я тут пирую, а Леон там один. Нет, сегодня-завтра он еще продержится, я ему наговорила много чего, но что будет дальше...

– Совсем разбаловала мужика, – осуждающе произнесла Рая.

– Раечка, он же творческая личность, композитор, он витает в высоких сферах...

– Тс-с... – сказала Лиля. – За соседним столиком вижу компанию. Одни мужчины. На вид вполне приличные... Смотрят в нашу сторону.

– Где, где? – заволновалась Рая. – Ах, те... Да ну, ничего особенного...

Рая всегда критиковала Лилин вкус. Но спор не имел продолжения – к соседнему столику подошли женщины, вероятно, спутницы этих мужчин.

– Тут все семейные... – разочарованно произнесла Рая. – А я так мечтала Колесову рога наставить!

– Мы приехали сюда отдыхать, – напомнила Альбина. – Это наша первоочередная задача. И еще – найти Наде подходящего жениха...

– Я передумала, мне никто не нужен! – спохватилась Надя. – Честное слово, обойдусь без женихов!

У Раи затренькал сотовый, висевший на шее.

– Минутку, – она вылезла из-за стола. – Это мама, наверное...

– Завтра с утра лечебные процедуры, – сказала Лиля, глядя в окно. – Проконсультируемся с доктором, кому чего он порекомендует... Алька, не забудь!

– Ах да... А вечером что будем делать?

– Гулять!

Рая так до конца обеда и не вернулась. Когда Лиля, Надя и Альбина вышли из столовой, то обнаружили ее у клумбы возле входа. Она смеялась и болтала с какими-то двумя небритыми субъектами.

– Девочки! А я тут с Юриком и Гогой познакомилась...

Юрик и Гога вожделенно посмотрели на Лилины загорелые ножки.

– Очень приятно, – хладнокровно произнесла Лиля. – Раечка, мы опаздываем.

– Куда это мы опаздываем? – удивилась Рая. – Юрик и Гога предлагают нам осмотреть окрестности, они тут уже три дня... Кстати, вот Надя. Юрик, ты, кажется, хотел именно с Надей познакомиться?

Стало ясно, что до того она усиленно рекламировала свою незамужнюю подругу.

– Колесова... – железным голосом произнесла Лиля. – Можно тебя на минутку?

Подруги пошли по аллее, оставив Юрика с Гогой без всякого внимания.

– Но как же... – оглянулась Рая. – Я не понимаю... Мы же собирались Наде жениха найти!

– Только не они!

– Да, они ужасные, – сморщилась Альбина. – Нет, Рая, такие нам не нужны.

– А какие нам, то есть вам, нужны? – скандальным голосом спросила Рая.

– Ты видела, какие сотовые у них из карманов торчат? – сказала Лиля. – Эти формы, эти расцветки... Сплошные понты. Нет, они явно какие-то продавцы с рынка...

– А чем плохи продавцы с рынка? – не унималась Рая.

– Рая!!!

Они шли по территории в сторону речки. Мимо, от ворот в сторону стоянки, проехал медленно огромный черный «Хаммер». Вернее, не проехал даже, а проплыл. За рулем сидел молодой мужчина. Темные волосы, темные очки, узкая полоска сжатых губ. Куда был направлен его взгляд, определить было невозможно – мешали темные очки, но Лиля сразу же подобралась, и походка ее неумовимо изменилась. Она кожей почувствовала, что красавец за рулем заинтересовался именно ею.

– Это мой, – тихо прошептала она.

– Что? – Рая обернулась, с любопытством посмотрела вслед проехавшей машине.

– Я говорю – этот будет моим, – уверенно произнесла Лиля.

– Лилька, ты видела его машину? – ужаснулась Рая. – Это же бандит какой-то!

– Он не бандит, – безапелляционно заявила Лиля. – Либо удачливый бизнесмен – из молодых, да ранних, либо чей-то сынок.

– А как же Адам? – удивилась Альбина.

– Алька, Адам в отъезде! – напомнила Лиля. – И потом, я же объясняла – мы с ним имеем право на небольшие романы. Мне этот мальчик в темных очках очень даже понравился...

Такой серьезный! Обожаю серьезных мужчин... Особенно когда они раздеваются – с таким невозмутимым, холодным выражением лица, словно им нет дела до того, что они сейчас будут заниматься сексом. А потом – безудержная страсть! Обожаю контрасты.

Альбина фыркнула.

– Никогда не стану изменять Леону, – твердо заявила она.

– А я буду изменять Колесову направо и налево, – ожесточенно произнесла Рая. – И мне плевать на мораль и высокую нравственность. Особенно после того, как они с Катькой с третьего этажа...

Они дошли до обрыва. Вниз, к реке, спускалась изгибами узкая деревянная лестница.

Друг за другом, стуча каблуками, подруги пошли по ней.

– Черт, шею можно свернуть... За такие деньги могли бы эскалатор здесь установить!

Или этот... фуникулер.

– Райка, физическое движение необходимо.

– Лучше в тренажерный зал лишний раз сходить.

– Как же, пойдешь ты туда!

– Альбиночка, ты не устала?

Надя шла последней. Сквозь листья блестела река. Надя на миг остановилась, прижала ладонь ко лбу, взглядела в даль – там маленькой точкой полз по реке катер.

– Девочки, чуть ниже я вижу пристань! – радостно закричала она. – Наверное, тут есть экскурсии по реке...

– Да, точно... – согласилась Лиля. – Я объявление видела – на первом этаже висело. Обязательно как-нибудь прокатимся. Только не сегодня. Сегодня я мечтаю просто посидеть на берегу...

– Какая красота! – с чувством произнесла Альбина. – Ах, как жаль, что Леона нет рядом!

Надя вспомнила свой сегодняшний сон. «Ненавижу тебя, Прохоров! – подумала она. – Ты мне всю жизнь испортил!»

Узкая лестница упиралась в берег. Отдыхающих было довольно много. Впрочем, свободного места – тоже.

В матерчатом сарае они взяли лежаки, расположились под ивой, чуть в отдалении от шумных компаний. Альбина разделась и сразу же легла, прикрыв лицо ладонью. На ней был строгий закрытый купальник темно-синего цвета, выгодно оттенявший мраморно-белую, словно светящуюся, кожу, без единой родинки.

Рая была вся в мелких золотых веснушках – плечи, спина, круглые икры.

– Рая, у тебя целлюлит, – строго произнесла Лиля. – Вон, на попе и на бедрах...

– Плевать! – весело отмахнулась Рая, поправив купальник, в который с трудом влезали ее объемы. – Целлюлит у всех.

– У меня его нет! – возмутилась Лиля. Тонкая, загорелая, в хороших шортиках и крошечном топе, она напоминала модель, сошедшую со страниц глянцевого журнала. – И у Альки, и у Нади тоже нет... Надя, ты куда?

– Я искупаюсь... – Надя зашлепала по воде. – Кто со мной?

– Я с тобой! – мимо, поднимая тучи брызг, с визгом пробежала Рая.

Они плавали наперегонки, словно дети, смеялись, болтали о всякой чепухе – на какое-то время Наде даже показалось, что она снова оказалась в детстве. Рядом была Рая – глупая, смешливая, но ужасно милая...

Когда они наконец вылезли из воды, то обнаружили на берегу только Альбину.

– А куда Лилька подевалась? – удивилась Надя.

Альбина села, молча указала на летнее кафе, что располагалось метрах в ста от их лежаков.

– Где, что?.. – запыхтела Рая, вытягивая шею. Вода струйками стекала с ее слипшихся малиновых прядей. – Боже, да с кем она там?

– Ты не узнаешь? – усмехнулась Альбина.

– Да это же тот тип, что проехал мимо нас! – воскликнула Надя.

– Именно... Пока вы с Райкой плавали, он подошел познакомиться.

– Ну Лилька, угадала! – восхитилась Рая, закутавшись в большое полотенце. – Прямо сразу поняла, что он будет ее. Так оно и вышло...

Из-за кустов вылез давешний Гога.

– Раечка, какая встреча... Можно вас на минутку?

Надя с Альбиной остались одни.

– Как ты? – спросила Надя. – Ты хорошо себя чувствуешь? Солнце не печет?

– Наденька, мы же в тени... – улыбнулась Альбина.

Они сидели рядом, обхватив колени, и смотрели на речную рябь, переливающуюся серебром.

– Я беспокоюсь о тебе, – сказала Надя. – Как ты перенесла утром дорогу? Эх, не догадалась с тобой сесть...

– Я очень люблю водить машину, – призналась Альбина. – Это – мое, как говорит Лиля. Знаешь, я за рулем спокойная, словно танк.

– Танк за рулем...

– Смейся, смейся... Нет, правда! Леон говорит, что я прирожденный водитель. У него тоже есть права, но он раз в сто лет сам ездит на машине.

– Как вы с ним познакомились? – спросила Надя, хотя прекрасно знала историю знакомства Альбины с Леонтием Велеховым.

– Это было четыре года назад. Нет, даже четыре с половиной... – стала с удовольствием вспоминать Альбина. – Я тогда работала в аптеке, что недалеко от Столешникова... Старинное такое здание, с лепниной и люстрами, чей-то бывший особняк – теперь, кстати, в нем расположился банк. Ну так вот... Я в тот момент была в подсобке – только что привезли товар. Приходит Людмила Игоревна, заведующая, и говорит, что там в зале какой-то тип странный, мол, не вызвать ли милицию...

Альбина с Надей дружно засмеялись. Они знали продолжение истории. Милицию, и кому – тишайшему Леонтию Велехову, гению и славе российской культуры!

– Я тогда сама в зал вышла, – весело продолжила Альбина. – Смотрю, а там действительно какой-то странный мужчина – высокий, макушкой почти люстру достает, в огромных очках на пол-лица, волосы светлые, рыжеватые, в разные стороны торчат – словно пружины, плащ какой-то дикий, будто крылья у летучей мыши... Стоит, глядит в раскрытую газету и бормочет себе под нос что-то. Но я не испугалась. Подхожу к нему и спрашиваю вежливо: «Молодой человек, не могу ли я вам помочь чем-то?» Он очень обрадовался... «Ой, – говорит, – девушка, помогите мне выбрать лекарство! В одной газете одно средство рекламируют, а в другой – другое. Не пойму, какое из них лучше! Может, стоит оба сразу купить?»

– Он был простужен тогда, да?

– Да... Боялся совсем разболеться – ему через неделю в Гамбург надо было лететь. На какую-то конференцию или симпозиум композиторский – уж не помню, он часто куда-то ездит... Так вот. Заглянула я в его газету, а там колдрексы-шмолдрексы всякие рекламируют. «Нет, – говорю, – не стоит вам на это деньги тратить. Идите-ка вы домой, молодой человек, выпейте чаю с малиной. Поставьте себе горчичники, пейте побольше жидкости. А если долго высокая температура будет держаться – так уж и быть, примите таблетку аспирина...» Он удивился страшно: «Как, – говорит, – двадцать первый век, а вы мне чай с малиной советуете? Вы, которая с лекарствами работаете?...» Ну, я ему и объяснила, что препараты, которые теперь везде так рекламируются, простуду только внутрь загоняют, а пользы от них никакой. Человек

все равно болеет, только без симптомов. А если он еще и работает в таком состоянии – то ему обеспечены всякие осложнения...

– Да? – удивилась Надя.

– Ну да! – горячо воскликнула Альбина. – Это я знаю как фармацевт. Сейчас вон на каждом углу аптеки, а люди как болели, так и болеют, процент смертности не особенно изменился. Все занимаются самолечением, к докторам не ходят – думают, самые умные... Фармакология – очень выгодный бизнес, по-моему, он на втором месте стоит после нефтяного. Производители лекарств – очень богатые люди. В общем, так мы с Леоном и познакомились. Я оставила ему свой телефон, он позвонил мне на следующий день. Попросил, чтобы я приехала и поставила ему горчичники.

– И ты к нему поехала? Не испугалась?

– Нет, совсем не испугалась... Я сразу поняла, что Леон никого не может обидеть. Он выздоровел и улетел в Гамбург. Вернулся через пару недель и опять мне позвонил. А через три месяца мы поженились...

– Как хорошо... – растроганно вздохнула Надя. – Пусть хоть у тебя будет все хорошо, Алька! А ты правда не жалеешь, что работу бросила?

– Нет. Я же тебе говорю – у меня было чувство, что я людей каждый день обманываю, – покачала головой Альбина. – Нет, лекарства нужны – но только те, что выписал тебе в индивидуальном порядке врач. И если уж выписал – так принимай их, черт возьми! Есть ведь другая крайность – когда пренебрегают лечением... Словом, у меня странное чувство к этим порошкам и таблеткам. Потому что я знаю, насколько они могут быть опасны. Я чувствовала себя убийцей.

– Алька, у тебя слишком развито воображение...

– Нет! Нет... Дело в том, что я действительно знаю, как можно убить человека с помощью лекарственной химии. Во сколько раз надо превысить дозу, какие компоненты надо смешать... Раз – и все, человек отравлен.

Альбина замолчала, напряженно вглядываясь в даль.

– Все, не будем об этом... – успокоительно погладила ее по руке Надя. – Начали за здоровье, а кончили за упокой. Ты лучше расскажи, не хочет ли Леон написать музыку к какому-нибудь мюзиклу?

– К чему? – изумилась ее собеседница. – Что ты, Надя, Леон такими глупостями не занимается! Он серьезный композитор... Нет, я не о том, что мюзиклы – низкий жанр, я о другом – он просто этого не умеет. Есть специфика...

– Прости, я не знала, – сказала Надя. – Я, в общем, Леона-то твоего всего раза три видела, да и то мельком... Он же весь в творчестве.

– Да, Леон немножко застенчив... А Адама Лилькиного ты видела? – оживилась Альбина.

– Пару раз, и тоже мельком.

– И я... – засмеялась Альбина. – Он слишком важный человек, до нас вряд ли снизойдет...

– Как и этот? – Надя кивнула в сторону летнего кафе, где сидела Лиля со своим новым знакомым.

– Да, уверена...

«Кукла Маша, кукла Даша – просто дети стали старше...» – грохотала музыка.

– Все, я не могу... – сонно зевнула Альбина. – Не обижайтесь на меня, девочки, но я пошла спать.

– Я тоже! – вскочила Надя.

– Не пушу... Нечего компанию разрушать, – дернула ее за локоть Рая. – Алька, а ты иди, у тебя режим...

Лиля, пританцовывая, шла от барной стойки с бутылкой коньяка.

– Девочки, мы должны срочно отметить наш приезд! А где Альбина?

– Альбина устала. Ушла в номер. Бог с ней, все равно она не пьет, – махнула рукой Рая.

– Да и мы тоже не пьем! Всего лишь по рюмочке, чисто символически... – Лиля села, разлиладохнувший черносливом и ванилью коньяк в пузатые рюмки. – За наш вояж!

Они чокнулись. Рядом, на танцполе, вовсю веселились отдыхающие. От коньяка у Нади стало горячо в горле, словно она хлебнула кипятка...

– Раечка, можно вас? – появился Гога. – Всего один танец...

Где-то на заднем фоне маячил Юрик с сизыми щеками. Он не сводил с Лили глаз, но, видимо, прекрасно осознавал, что Лиля – птица не его полета.

– Надя, вы не танцуете? – продолжая таращиться на Лилю масляными глазками, спросил он у Нади.

– Нет! – затрясла она головой.

Юрик отодвинулся назад.

– Правильно, – одобрительно кивнула Лиля. – Нам такие кавалеры не нужны...

– А где твой новый знакомый? – с любопытством спросила Надя.

– Стас придет позже, – небрежно бросила Лиля. – У него сейчас какие-то дела...

– Кто он?

– Я была права – сынок какого-то магната... – Лиля закурила тонкую длинную сигарету, изящно выпустила дым. – Золотая молодежь. Мажор. Милый юноша. Живет в люксе на последнем этаже нашего корпуса. Кстати, странно, что он тут оказался...

– Почему же? – не поняла Надя. – Или золотая молодежь совсем не признает Подмосковья?

– Нет, отчего же... – покачала головой Лиля. – Но «Хрустальные ключи» принадлежат к среднему уровню – по ценам, сервису и прочему... А есть такие элитные местечки, что тебе и не снилось, Надежда!

– Да уж наверное...

– Кстати, вот и он!

У входа появился Стас – холодный взгляд, сжатые в ниточку губы. Он увидел Лилю, и что-то дрогнуло в его лице.

– Кажется, он ждет, чтобы ты подошла к нему... – пробормотала Надя.

– Вот еще... – лениво сказала Лиля. – Если надо – сам подойдет.

Стас сквозь толпу стал протискиваться к Лиле. Надя увидела на лице подруги странное выражение – смесь азарта и насмешки, в углах Лилиных губ дрожала едва заметная улыбка. Она означала: «Милый, я буду делать все, что захочу. И ты тоже будешь делать только то, что я сочту нужным. Ты мой. Ты мой раб. Только со мной ты узнаешь настоящую страсть, о которой не позабудешь веки вечные...»

– Пойду воздухом подышу... – устало сказала Надя. – Кстати, куда Райка опять пропала?

Она вышла на открытую веранду. Там никого не было, лишь горели фонари среди листвы и журчал маленький фонтан посреди сада.

Стеклянная дверь со звоном захлопнулась за ее спиной, отрезав громкую музыку.

«Какая ночь...»

В конце июля еще стояла жара, в черном небе горели звезды.

На Наде было то самое платье, в котором она когда-то защищала диплом, – открытые руки и плечи приятно обдувал ветер. Но ощущение эйфории, которое всегда возникает от непосредственного общения с природой, внезапно пропало – откуда ни возьмись появились комары.

– Кыш, кыш... – сердито замахала она руками.

– Добрый вечер, – произнес кто-то совсем близко.

– Ой!

– Я вас испугал? Простите...

При свете фонарей она увидела мужчину. Лет сорока, с небольшими залысинами, в белой снежной рубашке. От него пахло популярным мужским одеколоном – этот запах Надя не раз ощущала в метро. «Дешевка...» – сказала бы Лиля, которая предпочитала только эксклюзив.

– Вы кто? – спросила она. Выпитый коньяк придавал ей лихости. В самом деле, она не Лиля, ей не нужны красавчики на «Хаммерах»...

– Позвольте представиться – Федор Андреевич... Можно просто – Федор.

– Надя, – сказала она. – Господи, я и не представляла, что тут комаров столько...

– Да, ложка дегтя в бочке меда... Счастье никогда не бывает абсолютным – сам страдаю от этих кровососущих.

– Что же вы тут делаете, Федор Андреевич? Ой, то есть Федор...

– Почему, Надя, вы не веселитесь вместе со всеми?

– А вы?

– Нет, я первый спросил... – деликатно засмеялся тот. – А помните – мы уже сталкивались сегодня, перед обедом?

– Разве? – удивилась Надя. – Вы, наверное, меня с кем-то путаете – у меня хорошая зрительная память...

– Ну как же, на лестнице – вы едва не сбили меня с ног! – совсем развеселился Федор.

– Ах, так это были вы?! О, я не хотела... – тоже засмеялась Надя. – Я хоть извинилась?

– Ну что вы, такие прекрасные женщины не должны извиняться! Может быть, вернемся, потанцуем немного?

– Нет, я уже иду домой... – подумав, изрекла Надя.

– Я провожу? – услужливо склонился перед ней ее новый знакомый.

«Господи, какой прилипчивый... – чуть досадливо подумала она. – Хотя я уже решила, что он меня вполне устраивает. Но устраивает для чего? Надо намекнуть ему, что мы можем встретиться завтра! Нет, не буду ничего намекать, пусть сам предложит, если захочет. Предложит что?..»

– Да, пожалуй... – согласилась Надя. – Я еще не вполне ориентируюсь на территории.

Они медленно побрели по аллее.

– Нравится вам здесь?

– Да, очень... Хотя, говорят, есть места и получше, – усмехнулась Надя, вспомнив Лилины слова.

– Где же? – любезно осведомился Федор.

– Там, где нас нет...

Фонтан, изображавший задумчивую нимфу, журчал теперь рядом. Надя села на каменный бортик, наклонилась, зачерпнула воды.

– Жарко... – Она плеснула воды себе на шею.

Федор сел напротив.

– Вы удивительно красивая, Надя...

– Это освещение такое. – Она брызнула и на него водой.

– Нет, не прибедняйтесь... – вздохнул новый знакомый. – Вы замужем?

– Нет, я совершенно свободна. Разведена...

– Да? Я тоже! – оживился мужчина. – Какое удивительное совпадение!

– Все-то у вас удивительно... Только не спрашивайте меня, из-за чего мы с мужем разошлись.

– Не буду, – покорно произнес Федор. – Я вас понимаю... Мне тоже не хочется вспоминать. Боже мой, двадцать лет вместе – и все коту под хвост...

– Вы были женаты двадцать лет? – с любопытством спросила Надя. Чужие истории ей всегда были интересны. – Это очень много...

– Представьте себе. У нас взрослый сын, учится сейчас на юридическом... Как видите, Надя, я ничего от вас не скрываю. В какой-то момент мы с Ирой перестали друг друга понимать...

– Ира – это ваша жена?

– Совершенно верно... А началось все с мелочей. Понимаете, я ответственный работник, тружусь в префектуре Юго-Восточного округа, занят до позднего вечера, а она преподает в институте – в четыре уже дома. Между прочим, я страшно устаю, а Ирочка требовала, чтобы все домашние дела делал я – магазин, вынос мусора, прогулки с собакой...

Надя сидела на бортике, болтая ногами, и внимательно слушала историю нового знакомого. Судя по всему, его бывшая жена Ирочка была дамой с характером деспотическим. Однако почему он с такой грустью вспоминает о ней?..

– Но, в конце концов, мне все это надоело, и я сказал ей: «Ира, так жить нельзя, я мужчина, и это вовсе не мое дело...»

Надя посмотрела на ответственного работника из Юго-Восточной префектуры, попыталась представить его с мусорным ведром.

– Может, стоило нанять домработницу? – спросила она.

– В каком смысле? – запнулся Федор. – Нет, я не понимаю – она же заканчивает в четыре, у нее уйма свободного времени...

– По-моему, вы до сих пор не можете ее забыть, – строго произнесла Надя. – Попробуйте с ней помириться!

Это предложение подействовало на Федора отрезвляюще. Он встрепенулся, видимо, вспомнив, где и с кем сейчас находится. Обсуждать с хорошенькой незнакомкой перипетии своей неудавшейся семейной жизни...

– Наденька, я выбрал не слишком удачную тему для беседы! – проникновенно сказал он. – Господи, какой я дурак...

Он взял ее за руку и поднес к своим губам. Первым желанием Нади было отдернуть ее, но потом она вспомнила, зачем она приехала в санаторий. Забыть Егора Прохорова. Забыть навсегда. И начать новую жизнь...

– У вас кожа пахнет цветами... – пробормотал Федор.

«Крем для рук с экстрактом ромашки», – хотела сказать Надя. Он придвинулся и поцеловал ее – так трепетно, так невесомо, словно пытался приласкать воздух...

«Будь что будет... Этот Федор – не самый худший вариант. Правда, немного зациклен на своей Ирочке».

В ночном небе дрожали звезды, слышалась отдаленная музыка из ресторана – казалось, все способствовало романтическому безумию.

– А ты поймай меня! – воскликнул неподалеку женский голос, и затрещали кусты.

На небольшую площадку перед фонтаном выскочила Рая, игриво хохоча. За ней, пыхтя, топал Юрик.

– Раечка, сладкая моя булочка! – тянул он к ней руки.

– Ой, тут кто-то есть! – взвизгнула Рая.

Надя не успела снять руки с шеи Федора – они так и сидели возле фонтана, тесно прижавшись друг к другу.

– Надька... – хихикнула Рая. – С кем это ты? Юра, нет, ты посмотри – знакомые все лица!

И она побежала дальше по аллее, хохоча и подпрыгивая, словно расшалившаяся девочка. Юрик послушно затопал за ней, вытирая лоб.

– Это ваша подруга? – шепотом спросил Федор. Игривый Райкин голос удалялся, постепенно затихая.

– Ага... – тоже почему-то шепотом ответила Надя.

Она вдруг увидела эту сцену со стороны – два одиночества пытаются найти утешение друг в друге, обнявшись у фонтана. Белая рубашка Федора отливала фосфоресцирующим голубоватым оттенком в полутьме – точно мантия призрака. И этот одеколон, такой резкий вблизи... А залысины!

– Мне пора, – сказала Надя и убрала руки с его шеи.

– Наденька, такой чудный вечер...

– Нет, правда, мне пора! – с отчаянием произнесла она.

– Я провожу...

– Не стоит!

Шумела вода, легкий пар курился в теплом просторном помещении, сквозь замазанное белой краской окно едва пробивался утренний свет – и оттого казалось, что там, на дворе, сумерки.

– Хорошо-то как... – разнеженно пробормотала Рая, поправив полотенце на голове.

– Да, расслабляет, – согласилась Лиля, не открывая глаз.

Надя не участвовала в разговоре – было слишком лень. Пузырьковая ванна с экстрактом хвой вызвала у нее нечто вроде транса.

– Жалко, Альки с нами нет, – подумав, сказала Рая, по подбородок окунувшись в воду.

Они лежали – каждая в своей ванне. Санаторный доктор нашел у подруг небольшое нервное расстройство и рекомендовал расслабляющие процедуры.

– У Альки сердце... – напомнила Лиля, не открывая глаз. – Поэтому у нее своя программа. Ей сейчас пятки какой-то лечебной грязью мажут – тоже, говорят, неплохо...

В ответ и Рая изъявила горячее желание намазаться грязью.

– А завтра пойду на циркулярный душ, – сообщила Лиля. – Очень тонус повышает. А потом на массаж... Или наоборот – сначала массаж, а потом душ?

– Не грузись, у тебя все в санаторной карте записано, – успокоила ее Рая. – Надька!

– М-м... – отозвалась Надя.

– Ну, я от тебя такой прыти не ожидала... Расскажи хоть нам!

– О чем? – расслабленным голосом спросила Надя.

– Кто он, как зовут, чем вы вчера занимались?..

– Раечка, что за патологическое любопытство! – поморщилась Лиля. – Ты вторгаешься в личную жизнь...

– Какая личная жизнь?! – возмутилась Рая. – Мы же подруги! Вот я, например, не собираюсь ничего от вас скрывать – мы с Юриком провели изумительную ночь. Гога куда-то ушел – у них номер двухместный, и мы веселились до утра.

– Представляю себе это веселье... – кисло произнесла Лиля. – Свадьба гиппопотамов...

– Лилька, зараза! – заорала Рая и плеснула в подругу водой. – Никогда от тебя доброго слова не дождешься!

– Девочки, прекратите! – строго сказала Надя, стряхнув наконец с себя оцепенение. – Если вам так интересно, могу рассказать. Его зовут Федор, он разведен, ему сорок лет, он ответственный работник... Да, и вчера между нами ничего не было, если не считать одного целомудренного поцелуя возле фонтана.

– Как?! – изумилась Рая. – Чего же так плохо? Лилька, нет, ты только послушай ее!

– А что такое? – заерзала Надя в ванной.

– Ответственный работник! Всего сорок!! Разведен!!! Чего же тебе еще надо, голубка ты наша?!

– Мне ничего не надо, – улыbnулась Надя.

– Да, Надя, в чем дело? – томно спросила Лиля. – Ты обнаружила у этого Федора тайные извращенные желания, которые тебя оттолкнули?

– О чем ты? – изумилась Надя. – Нет, ничего такого. Просто... Просто он – не мой человек. Нет, он хороший, и с ним, наверное, можно было завязать отношения... Но он мне как-то сразу не понравился. И еще он все время говорит о своей бывшей жене. Подозреваю, что он до сих пор ее любит, и я для него... ну, что-то вроде утешения, хотя, может, я ему и действительно понравилась...

Лиля обожала все эти психологические штучки.

– Понимаю... – проникновенно произнесла она. – Он глядит на тебя и словно видит лицо своей бывшей. А ты, Надежда, прямо-таки кожей чувствуешь, что видит он в этот момент не тебя... Ужасное ощущение!

– А я не понимаю, – упрямо произнесла Рая. – Приличный мужчина, ответственный работник... Смотри, Надька, будешь капризничать, до старости одна проживешь.

– Рая, не дави на нее, – заступилась за подругу Лиля. – Ничего, Надюш, мы тут только второй день... Все еще впереди! Кстати, Стас от меня без ума. Он на пять лет меня младше, и меня это так заводит...

– Бесстыдница! – хихикнула Рая.

– От такой слышу, – огрызнулась Лиля. – Все было чрезвычайно романтично. Мы вчера после ресторана решили покататься на его машине...

– Ночью? – удивилась Надя.

– Ну да... Доехали до какого-то монастыря полуразвалившегося. Луна, кресты, тишина невероятная... Жутко и красиво.

– Вот кто у нас извращенка! – опять хихикнула Рая, вытирая ладонью влажное лицо.

– Глупая кукла! – не осталась в долгу Лиля. – Ну так вот... Мы сначала целовались как безумные, а потом он встал передо мной на колени и стал говорить, что влюбился с первого взгляда, что это судьба – наша встреча, что я лучшая девушка во вселенной...

Рая хотела сказать какую-то очередную колкость, но передумала.

– Лилька, разве так бывает? – с сомнением произнесла она.

– Что? – не поняла Лиля.

– Что вот так сразу – любовь, признания, стояние на коленях...

– Так сразу! – гордо сказала Лиля. – Кстати, Стас всерьез считает, что встреча со мной – это судьба. Потому что вовсе не собирался ехать сюда, оказался здесь случайно, так как не достал путевки в какое-то пафосное заведение, я не запомнила его название...

– А он тебе нравится? – спросила Надя. – Этот твой Стас?

– Да, иначе бы я и не стала с ним встречаться... – пожала плечами Лиля.

– Адама своего бросишь, замуж наконец выйдешь... – мечтательно произнесла Рая. – Красота!

Лиля вздрогнула.

– Адама я никогда не брошу, – тихо сказала она. – Стас – это всего лишь обыкновенная интрижка. Интрижка на одну неделю...

После обеда все отправились на пристань. На Альбине был светло-голубой костюм с широким отложным воротником – легкий намек на матросскую тему, на Рае – огромная шляпа, больше напоминающая размерами автомобильную камеру. Лиля была в золотистом открытом платице, золотистых туфельках на шнуровке, с крошечной сумочкой. Надя облачилась в белый жилет и белые хлопковые брюки – купила перед отъездом, поддавшись на Лилины провокации.

– Где Стас? – с любопытством спросила Альбина, когда они шеренгой гордо шагали по асфальтовой дороге, петляющей между деревьев в лесу и ведущей вниз, к реке.

– Он не захотел с нами ехать. Вернее, я его отговорила, – гордо сообщила Лиля. – Разве нам вчетвером плохо? Надо хоть иногда без мужчин побыть.

Рая нахмурилась.

– Ну вот, а я Юрика еще утром попросила за билетами сбегать... Он на пристани ждать обещал.

– Зачем? – с раздражением произнесла Лиля. – Этот твой Юрик у меня в печенках сидит! Неандерталец какой-то...

– Не могу же я его обратно отослать... – пожала плечами Рая.

– Можешь, – жестко произнесла Лиля. – Ты все можешь. Пусть отдаст нам билеты и катится на все четыре стороны. Меня от его рязанского выговора коробит!

– Юрик из Верхнеряжска, а не из Рязани.

– Тем более! – зловеще произнесла Лиля. – Если он нам и сегодня глаза будет мозолить, я все Колесову расскажу.

– Что ты ему расскажешь? – побледнела Рая под своей шляпой.

– Чем ты тут занималась!

– Надя! Алечка! – повернулась Рая к подругам, ища у них поддержки.

Надя хотела сказать, что Колесову давно следовало отомстить, но ее опередила Альбина.

– Раечка, мне кажется, этот Юрик тебе действительно не пара, – с мягкой улыбкой произнесла она. – Уж лучше быть одной, чем с таким-то...

– С каким – таким? С каким – таким?... – надула губы Рая. – Вы противные и злые. А если Колесову все расскажете, то он меня убьет. Он жутко ревнивый!

– Девочки, вы лучше подумайте о Наде. У нее совсем другая проблема – ей никто не нравится. Давайте о Наде думать!

– И о себе! – напомнила Надя.

– Да, и о себе!..

У пристани пыхтел маленький теплоходик, и несколько отдыхающих уже сидели на палубе.

– Ой, мы тут раньше времени оказались! – взглянула Лиля на часы. – Ну и хорошо, пусть Юрик твой, Райка, на следующем плывет!

– Да, не будем терять времени! – согласилась Альбина.

Они вчетвером поднялись на теплоходик – капитан на мостике отдал честь, глядя исключительно на Лилю.

– Отдать швартовы! – закричал он в рупор.

Теплоходик медленно отчалил от берега и заскользил по водной глади вперед.

Подруги сели на верхней палубе в пластиковые легкие кресла. Первое время Рая еще дулась, но потом настроение у нее опять улучшилось.

– Красиво-то как... Ах, как красиво... – лепетала она, придерживая широкие поля у шляпы. – Ой, вон там какие-то развалины – Лилька, это не там ли вы со Стасом целовались?

– Раечка, мы ездили к монастырю, а ты показываешь мне какой-то полуразвалившийся коровник... Лучше сходи за пивом.

– Что-о? Я тебе не служанка, между прочим! И потом, где ты на этой посудине пиво найдешь?

– Внизу салон, там есть мини-бар...

– Сама топай в свой мини-бар!

– Ладно, схожу за пивом, – прекратила спор Надя.

– Ой, глядите – стадо на том берегу пасется, – обрадовалась горожанка Альбина. – Девочки, а вы, наверное, забыли, откуда молоко берется...

– Из пакета, купленного в супермаркете!

Надя прошла мимо других отдыхающих, прилипших к бортам теплоходика, в основном это были семейные пары с детьми, шумно радующимися прогулке, – и спустилась по узкой лестнице. Внизу, в салоне, было полутемно, играла легкая музыка. Официанта не было. Надя села за один из столиков недалеко от стойки – и в этот момент кто-то занял место напротив нее.

– Привет! Скучаешь?

Это был «добрый молодец» ее возраста или чуть старше, с испанскими усиками и узкой бородкой клинышком.

– Нет, не очень, – честно призналась Надя.

На незнакомце была черная майка-борцовка, стильная цветная татуировка на предплечье и серебряное колечко на мизинце – в общем, вполне законченный образ знойного мужчины, насколько Надя в этом разбиралась. Что-то в нем было от Гены Колесова, что пугало и привлекало. Правда, в отличие от пьющего Райкиного супруга «добрый молодец» выглядел гораздо приличнее.

– Сергей, – он протянул руку через стол и пожал Надину руку – жест на первых секундах знакомства, пожалуй, несколько нахальный. – Чего ждешь?

– Вот, пива хотела купить... – Она кивнула в сторону барной стойки и тут же принялась мысленно ругать себя. Никогда не надо никому ничего объяснять, уж хуже этого только оправдываться. Лиля говорила, что оправдываться – самое последнее дело... В тонкой науке общения полов Лиля была чем-то вроде профессора, и примером тому – ее собственная жизнь. Она только брала от жизни и расплачиваться не собиралась...

– Ты одна? – снова спросил этот Сергей, бесцеремонно и деловито разглядывая Надю.

– Нет, – твердо ответила она. «Вот так и надо – коротко и просто, ничего не объясняя...» Она отвернулась в сторону, всем своим видом показывая, что разговор окончен.

– Неправда... – неожиданно рассмеялся он. Смех у него был красивый, с хрипотцой.

– Что значит – неправда?! – не сдержалась Надя. – Я вам говорю, что я не одна – значит, я не одна... Между прочим, меня ждут три подруги – там на верхней палубе!

– Ты одна, – торжественно произнес он, словно комплект из трех подруг не имел никакого веса. Для Сергея важным было то, что рядом с Надей не было мужчины. Впрочем, судя по всему, даже если бы таковой и имелся – помехой для него это бы не явилось...

– А тебе-то что? – рассердилась она, тоже перейдя на «ты».

– Хочешь, я угадаю твое имя?

– Оно у меня очень сложное, – неожиданно заявила Надя. – Ни за что не догадаешься... Иностранное. У меня бабушка была испанской коммунисткой! В честь ее назвали.

Про коммунистку она наврала – чтобы запутать нахального мачо.

– Долорес, что ли? – усмехнулся тот. – Или Мерседес?.. Инезилья? Нет, не то. У тебя простое имя, наше.

– Да, Агафья Тихоновна я... – буркнула Надя.

– Что, ты обиделась? – удивился нахальный Сергей. – Простое – не значит простонародное. Хотя, по здравом размышлении, в наше время дама с таким именем непременно должна быть феминисткой, курить сигареты в мундштуке и работать главным редактором какого-нибудь продвинутого журнала.

Надя представила современную Агафью Тихоновну и засмеялась. Он был забавный, этот мачо. Пожалуй, еще минуту можно было посидеть рядом с ним.

– У тебя кожа слишком нежная – вон нос немного обгорел... – пристально разглядывал ее Сергей. – Может быть, ты Мария? Нет, нет... Волосы у тебя каштановые, с рыжиной, где шея – колечками слегка выются... Ольга? Нет. Глаза у тебя с искорками – ты Елена... Брови домиком – Вера, Людмила?

Надя засмеялась и отрицательно трясла головой.

– По внешности невозможно определить имя! – воскликнула она наконец.

– Нет, можно. Ты не бойся, сейчас я все равно тебя разгадаю... Шея у тебя длинная и белая – лебединая. Как у балерины. Тебе бусы надо носить, в несколько рядов – красиво очень будет. А губы у тебя на солнце оранжевый, персиковый такой оттенок принимают. Ты – Надежда, – уверенно заключил Сергей.

– Но тут нет солнца... – она беспомощно пожала плечами. – Вон занавески на окнах.

– Нет, ты скажи – я угадал? – хитро заглянул он ей в глаза.

– Угадал, – сказала Надя, вставая. – Я – Надежда. Наверное, слышал, как подружки ко мне обращались! Ладно, пока...

Она решила не дожидаться бармена и вышла на нижнюю палубу.

Там, опершись о бортик, стояла Альбина и смотрела на воду.

– Алька, что ты тут делаешь?

– Так, люблюсь... Девчонки тебя заждались.

– Черт с ними, пива все равно нет... То есть закрыто все.

– А...

Теплоход плыл мимо леса – сквозь сосны и ели пробивались золотые лучи. Надя встала рядом с подругой, вдохнула свежего речного воздуха.

– Буду зимой денечки эти вспоминать, – сказала она. – Как мы с тобой, Райкой и Лилей устроили себе каникулы. Слушай, Алька, с тобой бывает так – ты смотришь на природу, наслаждаешься прекрасным днем, и кажется – впереди тебя ждет что-то необыкновенное... Какое-то неземное, сумасшедшее счастье...

– Да, точно! – обрадовалась Альбина. – Именно так и бывает! Наверное, потому, что ни о чем плохом думать не хочется.

– Наверное... – грустно согласилась Надя.

– Но почему так печально? – засмеялась Альбина и потрепала ее по плечу.

– Потому что это обман. То есть самообман...

– У тебя предчувствие?

– Да. Как будто что-то со мной должно произойти... Хотя ерунда все это. Аль, ты лучше скажи, а на солнце губы у меня какого цвета?

– Что? – удивилась Альбина, взглядевшись в лицо подруги. – Тебе не нравится твоя помада?

– Помадой я сегодня не пользовалась. Ты мне просто скажи, какого у меня цвета губы! – нетерпеливо попросила Надя. – Ну?

– Да обычные... Розовые.

– Фу-ты... дурак.

– Кто – дурак? – еще больше удивилась Альбина.

– Да так, тип один... Привязался ко мне сейчас с какими-то глупостями.

Они поднялись на верхнюю палубу.

Лиля фотографировала проплывавший мимо пейзаж крошечным фотоаппаратом.

– Долго как... – напустилась на них Рая. – Сначала одна пропала, потом другая...

– Корабль-призрак! – засмеялась Альбина.

– Граждане пассажиры, стоянка у острова полчаса, – объявил капитан по громкой связи. – Затем теплоход отправится в обратный путь. Просьба не теряться...

Пассажиры дружной толпой вывалились на берег.

Когда-то эти места принадлежали известной дворянской фамилии Вяземских – и потому везде можно было наткнуться на обломки былого величия. Усадьба Вяземских располагалась километрах в двух от этого места, на берегу, а здесь, на острове, стояли грот и беседка.

– Грот Венеры, – прочитала Лиля на указателе. – Пошли туда, девочки?

– Говорят, князь Вяземский двести лет назад возил сюда хорошеньких поселянок втайне от своей старой жены, – вспомнила Альбина строчки из путеводителя.

– Старой? – с любопытством переспросила Рая. – Зачем же он на старухе женился, а?
– Ну, не такой уж старухой она была. По-моему, лет тридцать ей было, – вспомнила и Надя.

– Как нам, что ли?

– Райка, в те времена тридцать лет – это уже много...

– Скотина он, этот ваш Вяземский! – рассердилась Рая. – Голову бедным поселянкам морочил!

– Представляю я тех поселянок, – поморщилась Лиля. – Тогда люди мылись всего раз в неделю, в бане...

– А в Европе вообще не мылись, – заметила Альбина, которая любила справедливость. – Помню, читала когда-то про одну французскую принцессу. Так вот она мылась всего два раза в жизни – как родилась и перед свадьбой. Кстати, очень гордилась этим...

– Ужас, ужас, ужас... – Чистюля Лиля была шокирована.

Остров был небольшой и очень живописный – посреди в глубине небольшого холма располагался каменный грот, в котором тихо журчала вода.

– Рая, Надя, Алечка... Встаньте рядом, я вас сфотографирую!

Лиля защелкала фотоаппаратом. Потом Альбина с Раей принялись разглядывать появившуюся картинку – фотоаппарат у Лили был модный, цифровой, и на маленьком экранчике можно было сразу посмотреть, что получилось. А если изображение не понравилось, стереть его.

Надя сделала несколько шагов вниз по склону и вдруг увидела Сергея. Он стоял, сложив руки на груди, и с улыбкой смотрел на Надю – как будто уже давно наблюдал за ней.

– Это твои подружки? – спросил он.

– Да, – она спустилась к нему. – Все красавицы, как на подбор.

– Ты – самая интересная, – серьезно произнес Сергей.

– Скажешь тоже... – засмеялась Надя. – Хотя спасибо за комплимент!

– Это не комплимент, а констатация факта.

– Наверное, ты плохо разглядел Лилю. От нее все без ума...

– Лиля – это та, в золотом? – привстал на цыпочки Сергей. – Нет, она не в моем вкусе. Слишком ненастоящая... А вон та, с малиновыми волосами, – врушка и сплетница, самый мой нелюбимый женский тип. Черненькая, в голубом, – себе на уме, да и мужа любит ко всему прочему. Флиртовать с ней бесполезно.

– Откуда ты это знаешь? – удивилась Надя.

– Знаю...

Он взял ее за локоть, повел вниз, подальше от толпы.

– Куда ты меня ведешь? Зачем? – недовольно спросила Надя. – Как тебя там... Сергей! Отпусти руку...

За кустами бузины, росшей неподалеку от реки, которая в этом месте стремительным потоком огибала остров, Сергей повернул Надю к себе и обнял.

– Я боюсь тебя... – прошептала она.

– Глупенькая! – нежно произнес он и стал целовать ее. Она отвечала на его поцелуи – горячие, словно летнее солнце. Голоса подруг шумели где-то вдали, долетали до Нади птичьим бездумным щебетом. Когда-то, тысячу лет назад, точно так же целовал ее Гена Колесов. – Разве ты не чувствуешь – мы подходим друг другу?

Он щекотал губами ее шею, ерошил волосы, прижимался щекой к груди – каждое его прикосновение обжигало и нравилось – вот так бы до скончания века...

– Нет! – задыхаясь, сказала Надя. – Я неправильно выразилась... Я не тебя боюсь, а себя!

– Почему так? – Сергей остановился, с удивлением заглянул ей в глаза.

– Потому что... ну, это ненадолго. А я не хочу – когда ненадолго.

– Только навсегда? – улыбнулся он. Зубы у него были длинные, острые – словно волчьи.
– Да... Ты не смейся, я серьезно!

– Хорошо, пусть будет навсегда, – неожиданно заявил он. – Можно попробовать. А вдруг получится, черт возьми!

Говорил он серьезно или шутил – Надя не понимала. Но одно она знала точно – если сейчас она впустит этого мужчину в свою жизнь, то погибнет. И эта милая летняя прогулка по реке окажется самой большой ошибкой в ее жизни.

– Ты не можешь навсегда, – сказала она мрачно. – Ты не можешь принадлежать только одной. А я ревнивая – я тебя не прощу. Уже было такое в моей жизни. Как только я узнала, что у моего мужа есть другая женщина, то сразу бросила его.

– Ты не узнаешь. – Сергей наклонился и поцеловал ее в шею. Татуировка на его предплечье изображала ухмыляющегося змея. – Надя-Надя-Наденька...

– Нет...

Она вырвалась из его рук, отступила на шаг назад.

– Куда ты? – обиженно спросил он. – Выдумщица ты, Надя... Помнишь детскую сказку про деревенских дурачков – невеста увидела топор на стене, стала плакать. Пришел жених, спросил – чего, мол, реवेशь? А она говорит – вот женимся мы, родим сыночка, вырастет он, и упадет на него этот топор... Ты такая же – придумываешь то, чего еще нет!

Надя не слушала его – она карабкалась вверх по склону. Там, вокруг Венериного грота, бегали Лиля, Альбина, Рая.

– Вот она!

– Надька, ты куда опять пропала?

– Прямо сквозь землю провалилась!

Надя оглянулась назад – за кустами бузины виднелся темный силуэт. У нее был порыв – позвать Сергея, а там – будь что будет. Но она не сделала этого.

– Девочки, у меня вопрос... – запыхавшись, сказала она. – Бывает так, что полная физическая гармония, а на духовном уровне – разлад?

– Между мужчиной и женщиной, в смысле? – с видом знатока прищурилась Лиля. – Да сплошь и рядом...

– У нас с Леоном гармония во всем, – важно произнесла Альбина и слегка покраснела.

– Колесов – классный мужик, – заявила Рая. – Если бы не пил да по бабам не шатался – цены бы ему не было. А ты почему спрашиваешь? Вылезла из кустов и теперь нас всякими вопросами озадачивает...

Послышался гудок – это капитан созывал всех обратно.

– Ой, девочки, бежим – а то останемся на этом острове, как эти... ну, передача есть такая...

– Как Робинзон Крузо?

Гудок повторился.

– Пошли уж! – сердито крикнула Альбина. У нее был пунктик – она всегда боялась опоздать.

На теплоходе Надя оглядывала толпу – Сергея нигде не было, словно он остался там, у грота Венеры, караулить очередную жертву. «Или снова в баре сидит. дождался официанта и теперь пиво хлещет... И зачем только на эту прогулку отправился?» Но снова спуститься вниз и проверить салон она так и не решилась.

Надя думала о Сергее до вечера – вспоминала его случайные, горячие поцелуи, его слова, его обещания – бог весть что может наобещать мужчина под влиянием момента! – и чем дальше, тем больше радовалась тому, что избежала ловушки. Она, с ее характером, погибла бы рядом с таким человеком. «Или я не умею жить? Пусть один день, пусть неделю – но я была бы счастлива?..»

Она уже почти заснула.

Темная, непроглядная деревенская ночь – когда луна скрыта облаками и лишь ветер шелестит в листве, рассказывая какие-то жуткие, тоже деревенские, сказки...

В соседнем номере что-то загрохотало и послышался сдавленный, не очень громкий, но вполне отчетливый вопль.

Надя села на кровати – с безумно колотящимся сердцем, не понимая, где она сейчас находится.

– Убирайся, немедленно уходи отсюда... ты не имеешь права! – смутно донеслось из-за стены.

«Райка! – тут же сообразила Надя. – Ну да, это ее голос!» Она вскочила, кое-как накинула на себя халат и выскочила из своего номера.

– Откройте! Немедленно откройте! – угрожающе забарабанила она в соседнюю дверь. – Я сейчас охрану позову!

Дверь тут же распахнулась, и, шурясь от света, Надя увидела Юрика. Чуть дальше, у стола, стояла Рая – глаза испуганные и сердитые.

– Надька! Ты представляешь, этот идиот вздумал сцены мне устраивать...

– Я не идиот, я просто хотел узнать, где ты была сегодня днем, – упрямо сказал Юрик, с треском почесывая заросшую щетиной щеку. – Сама просила меня билеты на теплоход купить и пропала...

– Не объясняй ему ничего! Не вздумай оправдываться! – Надя бросилась к Рае и обняла ее.

– Да чего тут объяснять – мы просто с девчонками время не рассчитали и вышли немного раньше... Кто же знал! – зачастила Рая.

– Не надо ничего объяснять! – с отчаянием повторила Надя. – А вы... а вы вообще... катитесь отсюда!

На Юрика ее слова совсем не подействовали.

– Ты, Раиса, меня продинамила... – с чувством произнес он.

На пороге появились Лиля и Альбина – с мрачными, сонными, злыми лицами.

– Райка, он тебя достает, да? Я тебе, если помнишь, говорила – нельзя связываться с подобными типами... – прошипела Лиля.

– Тоже мне, фифы... – презрительно покосился на нее Юрик и почесал другую щеку. – Я вас насквозь вижу. Шлюшки... Знаю я таких – специально по домам отдыха ездят, мужикам головы морочат!

– Каких – таких? – вдруг шепотом произнесла Альбина. – Это на что ты намекаешь?! Я добропорядочная женщина, у меня муж композитор...

– Вот-вот, от мужей своих приехали отдохнуть! – злорадно заморгал глазами Юрик. – Знали бы они, бедные, чего вы тут вытворяете...

Этого Альбина не могла вынести – она схватила с подзеркальника большой флакон Райкиных духов и запустила им в Юрика.

– Гад какой! – взвизгнула Лиля и, выставив вперед руки, потянула их к Юрикову лицу. Ногти у Лили были накладные, по последней моде подпиленные в форме стилета. Юрик побледнел и, закрыв голову руками, стал пробиваться к выходу. Лилины ногти на всех производили впечатление.

– Я порядочная женщина, никто не смеет меня оскорблять... – задыхаясь, бормотала Альбина и колотила Юрика зонтом, который тоже лежал на подзеркальнике.

Надя с ненавистью пнула ногой Райкиного ухажера сзади под колено. Тот упал на четвереньки, но продолжал упорно ползти к двери. Рая схватила подушку и охаживала его по спине.

Наконец Юрик мужественно преодолел все препятствия и с приглушенным воем выскочил в коридор.

– Стервы... Я вам все припомню!

– Скатертью дорога, – бросила ему вслед Лиля и захлопнула за его спиной дверь. – Черт, чуть ноготь не сломала...

В воздухе кружились перья из подушки и удушливо пахло духами.

– Флакон разбили, – констатировала Рая, обследовав подзеркальник. – Это, между прочим, мои любимые духи...

– Ну и гадость... – с отвращением произнесла Лиля. – А кто-то намекал, что я своей парфюмерией воздух порчу... Райка, да это чистый клопомор!

Альбина, тяжело дыша, упала в кресло.

– Алька, тебе плохо? – перепугалась Надя, садясь перед ней на корточки. – Ой, да ты вся бледная...

– Ничего, – сказала Альбина. – Просто разволновалась... Но как он смел? Обозвал меня непорядочной! Райка, это все из-за тебя.

– Да, связалась с каким-то... – фыркнула Лиля, продолжая напряженно разглядывать свои ногти.

Рая вдруг зарыдала:

– Ой, девочки... ой, я не могу... Юрик говорит, что адрес мой в Москве знает и что все про меня Колесову расскажет... Колесов меня убьет!

– Не убьет, – мрачно произнесла Надя. Она налила из графина воды и поднесла стакан Альбине.

– Нет, убьет! – заливалась Рая.

– Ладно, потом разберемся, – неожиданно подобревшим голосом произнесла Лиля. Все ее ногти были в полном порядке. – Алька, пошли спать...

В номере остались только Рая и Надя. Рая продолжала реветь. Надя налила воды и ей.

– Райка, немедленно прекрати, – хмуро произнесла она.

– Нет, ты не понимаешь... если Колесов узнает...

– Ничего он не узнает, – сказала Надя. – Этот твой Юрик просто грозился. Да мы сами его жене в Верхоянск напишем!

– В Верхнеряжск...

– Тем более. Спросим точный адрес у администраторши и напишем.

Рая неожиданно успокоилась.

– Ой, Наденька, какая же ты молодец... Он же ужас как свою жену боится – Гога мне рассказывал!

– Вот видишь... выпей еще водички.

Настроение у Раи менялось, точно погода. Она звонко чмокнула Надю в щеку, а потом распахнула балконную дверь.

– Пусть проветрится... Ну надо же, мои любимые духи разбились! – засмеялась она.

* * *

За завтраком Юрик сидел насупленный, стараясь не глядеть в сторону подруг. На одной щеке белела полоска лейкопластыря, прикрывавшая след от Лилиных ногтей. Гога что-то выговаривал ему, тоже косясь на столик у окна, за которым располагались Рая, Лиля, Альбина и Надя.

– Ага, бояться... – злорадствовала Рая.

На следующий день появилась Зина Трубецкая.

Она прибыла с помпой, как всегда, – Надя самолично наблюдала ее приезд с балкона. После ежеутренних процедур и массажа она сидела в шезлонге и вдруг увидела, как, шурша шинами, медленно катится по посыпанной гравием дорожке роскошный красный автомобиль без верха. «Кабриолет...» – вспомнила его название Надя.

Кабриолет остановился на площадке перед корпусом, в котором жили отдыхающие, и из него с достоинством вылезла подруга Лили Лосевой.

Зину Трубецкую ни с кем нельзя было спутать. Она обожала длинные балахонистые платья – что-то вроде африканских бурнусов. Вот и в этот раз на ней было нечто длинное, терракотового цвета, из-под которого виднелись туфли на высоченных шпильках. От того, что она всегда ходила на таких высоких каблуках, Зина вечно была вынуждена к чему-то прислоняться. Вот и сейчас, хлопнув дверцей машины, Зина тут же привалилась к ней спиной.

На голове у Зины был намотан в виде тюрбана платок, концы которого спускались на одно плечо, а половину лица скрывали темные очки в широкой красной оправе, очень напоминающие клоунские. Но это впечатление было обманчивым – вещи себе Зина Трубецкая покупала только известных марок, чьи названия звучали сладкой музыкой для продвинутых модниц, – Макс Мара, Прада, Версаче, Дольче и Габбана, Роккобарокко... Серьги до плеч, куча ожерелий и бус на шее, множество браслетов на руках – от запястий до локтей.

Зина достала из складок бурнуса крошечный сотовый телефончик и принялась тыкать в кнопки. Тыкалось у нее с трудом, поскольку ногти у Зины были еще длиннее, чем у Лили. Зина чертыхалась и морщилась. Надя встала и постучала в стену подруге:

– Лиля, спустись вниз! Твоя подруга приехала...

Через пять минут из дверей внизу выскочила Лиля – в коротеньком шелковом халатике, шлепанцах, растрепанная и оттого еще более соблазнительная. Несколько мужчин, прогуливающихся по парку, немедленно стали смотреть в Лилину сторону.

– Зизи! – взвизгнула Лиля, бросаясь на шею подруге. – Ты приехала!

– Еле добралась, – услышала Надя со своего балкона хриплый, словно надтреснутый, голос Зины Трубецкой. – Ну и дорога... Одни выбоины и колдобины! Что за место ты выбрала, Лилька?

Зина навалилась на Лилю, и они вместе заковыляли к входу в корпус.

Через балконную перегородку тут же высунула свою малиновую шевелюру Рая:

– Надя, ты видела? Это чучело гороховое все же решило посетить нас!

– Ну и что! – замахала на нее руками Надя. – Друзей не выбирают! Лиля очень любит ее...

– Я удавлюсь, честное слово, я удавлюсь! – запричитала Рая. – У меня на эту Зинку аллергия...

Почти весь день Надя, Альбина и Рая провели втроем – Лиля была с Зиной. Зина обозревала окрестности и рассказывала Лиле новости столичной жизни.

Встретились они все вместе только поздно вечером, в ресторане.

Зина Трубецкая была все в том же бурнусе и тюрбане, каждый ее накренившийся в сторону Лили шаг сопровождался бряканьем бус, серег и браслетов. Лиля бережно усадила подругу на стул.

– Зиночка, как хорошо, что ты приехала! – приветливо сказала Альбина.

– Удивительно хорошо выглядишь! – фальшиво улынулась Рая. – Правда, в платке, должно быть, жарковато... Может быть, снимешь?

Надя толкнула Раю ногой под столом.

– Как продвигается ремонт? – вежливо спросила Надя.

– Сволочи... – хрипло произнесла Зина. – Эти строители – сволочи. Три раза пришлось плитку сбивать.

Все сочувственно замолчали.

– Ну-с, что будем пить? – наконец встрепенулась Лиля. – Давайте, девочки, за встречу...

– Закажи водку, – мрачно заявила Зина. – Ты же знаешь, Лилька, я только водку признаю.
– Правильно, – заерзала Рая, хитро блестя глазами. – Вот и Колесов мой тоже так говорит...

Надя опять толкнула ее под столом ногой.

Заказали водку и шампанское, еще рыбное ассорти и фрукты – каждая закуска под соответствующий напиток. Альбина пила апельсиновый сок и улыбалась всем подряд.

Зина хлопнула стопку и мрачно повела глазами.

– Ну и дыра... – хрипло заявила она. – Лучше бы ты, Лилька, в Турцию поехала. Небось и дешевле бы вышло... Ты посмотри, кругом одни уголовные рожи. Вон там, в углу, – так и зыркают в нашу сторону, словно зарезать хотят!

В указанном углу как раз располагались Юрик с Гогой. Юрик, судя по всему, никак не мог забыть ночную баталию.

Рая насупилась и опустила глаза.

– Ну, за здоровье! – преувеличенно бодро произнесла Альбина, подняв бокал с соком. Все чокнулись. Сок, водка, шампанское. У кого что.

– Какое уж тут здоровье... – буркнула Зина. – Фу, чем это водка воняет? Паленая, поди...

– Зизи, что за пессимизм? Нормальная водка! – укоризненно воскликнула Лиля. – Это все нервы... Кстати, девочки, я водила сегодня Зину на процедуры – ей очень понравились жемчужные ванны...

– Ванны-то понравились, – Зина недрогнувшей рукой налила себе еще стопку. – Однако кафель на полу какой-то подозрительный. Без шлепанцев лучше не ходить – того и гляди, грибок подхватишь...

В это время появился Стас. Весь в черном, узкие губы напряженно сжаты.

– Добрый вечер, – небрежно бросил он. – Лилия, можно тебя на минуту?

Они отошли в сторону.

Скрипя стулом, Зина развернулась им вслед, бесцеремонно посмотрела на Стаса.

– Вот оно, курортное знакомство... Как бы не пришлось Лильке на уколы в вендиспансер бегать. Эх, Лилька, дурочка... Нет, я бы такого до себя не допустила!

Услышав про вендиспансер, Альбина подавилась соком и закашлялась. Надя осторожно похлопала ее по спине. Рая таращила круглые карие глаза – непроницаемые, как всегда, хотя в этот раз, Надя могла догадаться, в их загадочной бездне пряталась ненависть к Зине Трубецкой.

– Мне пора, – севшим голосом сообщила Альбина. – У меня режим, знаете ли...

Она встала из-за стола.

– Я тебя провожу! – кинулась за ней Надя.

Заснуть она не успела.

В ночной тишине отчетливо были слышны все звуки.

Вот в комнате, которая находилась слева от Надиной, в дверном замке загромыхал ключ – это вернулась Рая. Через некоторое время послышалось громыхание соседней двери справа – это вернулись Лиля с Зиной.

Поскольку стены были довольно хлипкими, Надя отчетливо слышала хриплый голос Зины.

– Лилька, да ты спятила! Он же лет на десять тебя моложе.

– Не на десять, а на пять, – раздраженно ответила Лиля.

– Я понимаю, что тебе захотелось отдохнуть от Адама, но зачем же бросаться на кого попало... – брюзжала Зина. – Ты мне вот про Надежду сейчас рассказывала... Она гораздо умнее тебя, ни с кем тут не стала связываться... Это не фригидность, как ты выразилась, а разумный подход к жизни! Нет, ну, может, она и фригидная, но мозги какие-никакие у нее есть!

Надя покраснела в темноте и надвинула на ухо подушку. Конечно, тема разговора неувидительна – Лиля с Зиной уже успели обсудить их всех.

Но навязчивый Зинин голос продолжал лезть в уши и сквозь подушку:

– Альбина твоя себе на уме. Улыбается, а глазищи злые... Ты смотри, порошка тебе какого-нибудь в стакан подсыплет – она ведь фармацевтом раньше была. Настоящая маньячка!

«Нет, это невозможно!» – с отчаянием подумала Надя и перевернулась на другой бок.

– Зизи, ну что за чушь! – едва не плача, застонала Лиля. Судя по всему, Зина Трубецкая здорово набралась. – Альбиночка – ангел, настоящий ангел!

– А Раиса ваша... Тетеха... Пролетарьят! На какой рабочей окраине вы ее откопали? Цвет ее волос я даже не обсуждаю...

Надя нашарила в темноте полотенце и обвязала им голову. Боже, какое счастье, что Рая с Альбиной не слышат всего этого – их комнаты располагаются с другой стороны. Надя приняла весь удар на себя...

К счастью, Зина Трубецкая уехала следующим утром, еще до завтрака.

* * *

В субботу пошел мелкий, скучный дождь, все небо заволокло плотными серыми облаками.

– Уже август... – печально произнесла Альбина. – Боже мой, как неделя быстро промчалась! Завтра уезжаем.

Они сидели на балконе у Нади и пытались играть в карты. После отъезда Зины настроение у Лили сильно испортилось, она на все смотрела с кислым видом, словно только что обнаружила несовершенство окружающего мира. Со Стасом она встречалась вечерами, да и то с какой-то неохотой.

Зато у Раи было прекрасное настроение – ей строил глазки какой-то военный в отставке, представительный мужчина с седыми висками.

– Может, еще на недельку останемся? – предложила она, сложив губки сердечком. – Я слышала, скоро снова распогодится...

– Я бы тоже осталась, ненадолго, – сказала Надя, выставив руку наружу – мелкий дождь брызгал ей в ладонь. – Не хочется уезжать в дождь – все впечатление от отдыха будет смазано...

– Вы оставайтесь, девочки, а я поеду, – улыбнулась Альбина. – Меня Леон ждет. Только, чур, не обижаться!

– Да никто и не думает обижаться! – с тоской протянула Лиля.

– Давайте останемся – ну, хотя бы до следующих выходных? – настаивала Рая. – Втроем... Я вас всех веселить буду!

– Ха, ха, ха... – вяло произнесла Лиля. – Ладно, в городе все равно делать нечего, Адам не скоро вернется.

– Отлично! – засияла Рая.

– Девочки, ведите себя хорошо, – напомнила Альбина.

– Мы и так – сама невинность... Взять хоть Надьку, – фыркнула Рая. – Лиль, сбегай к администраторше, скажи, что мы тут задержимся.

– Уже бегу... – Лиля лениво встала и побрела к двери.

– Эта Зинка – энергетический вампир, – сказала Альбина, когда дверь за подругой закрылась. – Нет, вы только посмотрите, что она с нашей Лилей сделала...

– Убила бы Зину! – веско произнесла Рая. – И ничего бы мне не было.

– Ну да... – вздохнула Надя. – Посадили бы лет на двадцать.

– Условно бы дали! – возмутилась Рая. – А может, и медалью бы наградили, за спасение человечества.

На следующий день Альбина уехала.

Дождь продолжал лить. К обеду тучи немного разошлись и выглянуло солнце, подарив отдыхающим надежду, а к вечеру припустил еще сильнее...

Прошло еще два дня.

В конференц-зале была устроена дискотека – пришли все, от мала до велика. Рая, Лиля и Надя, встав в круг, дружно проплясали три танца подряд. Потом заиграла медленная музыка – Лилу увел в центр зала Стас, а Рая, хохоча, прижалась к своему военному, и они неловко, но с воодушевлением принялись кружиться на одном месте.

Надя села на подоконник, сторожа Лилину сумочку и Райкин ридикюль. Кто-то подошел к ней, попытался пригласить, но она отказалась, отрицательно замотав головой, даже не оглянувшись. Она смотрела в полураскрытое окно – там, сквозь пелену дождя, на фоне темно-серого неба была видна оранжевая узкая полоса заката...

Затрепыхался Райкин ридикюль, словно в нем запрыгала лягушка. Сотовый...

Надя издали махнула Рае рукой – иди сюда, мол. Рая в ответ скорчила рожицу и взасос поцеловала своего военного. Телефон продолжал надрываться. А вдруг что-то важное?

– Алло! – вздохнула Надя, беря трубку. – Алло, говорите!

– Ой, кто это? – сквозь треск и шум прорвался знакомый голос Райкиной матери. – Не туда попала, что ли?

– Светлана Петровна, это я, Надя! – стараясь перекричать музыку, ответила Надя. – Вам Райку? Это срочно? Она сейчас немного занята...

– Наденька? – Светлана Петровна как будто всхлипнула. – Позови Раю – это очень важно... Очень важно!

– Минутку...

Надя подняла сотовый и показала его Рае. Та неохотно покинула объятия своего кавалера и засеменила к подоконнику.

– Ну, что там такое? Алло, мама... О чем ты?

Райкино лицо неожиданно приняло серьезное выражение, между бровей пролегла страдальческая морщинка.

– Кто?.. И когда?.. А потом?.. О господи... Мам, но что же делать? Нет, это невозможно... Какая сволочь!!!

Рая нажала на кнопку отбоя и растерянно уставилась на дождливый закат.

– Что-то случилось? – осторожно спросила Надя.

– Случилось... – Рая перевела взгляд на подругу. – Мне надо срочно в Москву. Мать говорит, что у Колесова запой и он уже мебель начал пропивать... Ну да, а что ему делать, если я денег ему специально не оставила!

– А как Светлана Петровна?

– Да она с детьми на даче... – с досадой бросила Рая. – Естественно, она не может бросить все и мчаться в город. Ей позвонила ее приятельница из соседнего подъезда. Ну и сказала про мебель. А там гарнитур испанский, красного дерева... Я почти год на него копила!

Райкиным пунктиком была красивая мебель.

– Завтра поедешь?

– Какое завтра... сейчас!

Она схватила свой ридикюль в охапку и выбежала из зала.

Так Надя и Лилия остались вдвоем.

На следующее утро дождь кончился. Выглянуло солнце, начали испаряться лужи на асфальте.

Лилия решительно впадала в депрессию, и ничего ее не радовало.

К завтраку она не вышла, лечебные процедуры пропустила. Около двенадцати Надя с балкона увидела ее бредущей по дорожке в саду. Рядом шел Стас и что-то говорил ей. Лиля его не слушала. Он схватил ее за руку и повернул к себе. Лиля вырвала руку и пошла дальше.

– ...все, что хочешь! – донеслось до Нади. – Я готов на что угодно... Лилия!

Лилии было глубоко на все наплевать.

Через полчаса она появилась в номере Нади.

– Надоел, – заявила она с порога. – Мальчишка... Нет, если у него богатый папаша, это не значит, что он и сам из себя что-то представляет. Хуже репейника... Выходи, говорит, за меня замуж!

– Ты отказала?

– Естественно... Ну и скука! Надька, я сейчас умру. Надо что-то придумать... Давай-ка я тебя накрашу к обеду.

Они переместились в номер к Лиле.

– Голову давно мыла? Вчера вечером? Ничего, сейчас еще раз вымоем... – командовала Лиля. – Ты, Надька, очень небрежно относишься к своему внешнему виду. Хвостик на затылке завязала – и все... Так нельзя! Теперь берем фен и расческу...

Она слегка подсушила Надины вымытые волосы и принялась старательно укладывать их.

– Больно... ой, ты меня сейчас лысой оставишь!

– Ничего, терпи, – сурово ответила Лиля. – Эх, жалко, краски для волос нет, я бы тебя еще и покрасила!

– Что, у меня седые пряди? – испугалась Надя.

– Пока нет. Но надо сделать что-то радикальное. Цвет баклажана или охры...

– О господи... на Райку, что ли, насмотрелась?

– Кстати, надо будет ей позвонить, узнать, что там у нее с Колесовым, удалось ли спасти мебель...

Лиля изобразила на голове Нади художественный беспорядок – море накануне шторма. До девятого вала еще далеко, но отправляться в плавание уже опасно...

Потом наложила на лицо подруги тон. Румяна, пудру. Тени с блестками для глаз. В ход пошли тушь, карандаш для бровей. Недрогнувшей рукой обвела четкий контур губ, словно выводила границы суверенного государства... Помада – три слоя, сверху, в центре нижней губы – дополнительный мазок специального блеска.

Лиля так разошлась, что заставила Надю надеть платье из своего гардероба. Шелковое, с рисунком на какие-то восточно-азиатские мотивы – болото, цапли, лотосы, тигриные глаза, проглядывающие сквозь заросли бамбука...

– Тебе идет, – с удовлетворением произнесла Лиля. – Я, пожалуй, подарю его тебе. А то ходишь черт знает в чем, словно школьница... Так, теперь еще духами тебя сбрызну...

На Надю из зеркала смотрела незнакомка с порочным взглядом подведенных до висков глаз. То ли гейша, то ли танцовщица из ночного клуба... И эти духи – нежный, сладкий, декадентский запах, напоминающий о гибели мира. Веселись, пока еще есть время!

– Как-то непривычно... – с сомнением произнесла Надя. – На меня люди пальцем показывать не будут?

– Обязательно будут! – с жаром воскликнула Лиля. – Потому что так хорошо ты еще не выглядела! Сегодня все мужчины будут твоими.

Они спустились вниз, в столовую.

Лиля почти не ела, она любовалась подругой – так, наверное, восхищался Пигмалион своей Галатеей.

Компания за соседним столиком тоже как-то мало интересовалась обедом – все тарасились на Надю.

– Уж сегодня-то мы найдем тебе жениха! – с восторгом произнесла Лиля. – Кстати, как тебе Стас? Очень рекомендую – молод, богат, страстен. Мне он не нужен.

– Мерси... – усмехнулась Надя. – Но он на меня не клюнет, будь я хоть трижды раскрасавицей. По-моему, он здорово в тебя влюбился.

– Но тебе-то он нравится?

– Нет, – прошептала Надя. – И вообще, мне никто тут не нравится! Можешь меня считать хоть трижды фригидной, но ни один человек вокруг не вызывает у меня интереса. Слушай, может быть, со мной действительно что-то не в порядке?

– Все Прохорова своего вспоминаешь? – поморщилась Лиля.

– Нет! Уже нет! Честное слово – я хочу влюбиться, я очень хочу влюбиться, но, как назло, мне никто не нравится... Когда вернемся в город, непременно запишусь на прием к психоаналитику!

Нежно запел сотовый у Лили в сумочке.

– Алло? – встрепнулась она. – Адам, ты вернулся?

Надя наблюдала, как на глазах меняется лицо подруги – розовеют щеки, появляется блеск в глазах... Лили буквально расцвела. И без всякой помощи парфюмерно-косметической промышленности!

– Когда? Да, хорошо. Буду, буду... Целую тебя! – Лили нажала кнопку отбоя. – Вот что, Надежда, я уезжаю. Прямо сейчас. Адам вернулся.

– Я с тобой!

– Нет-нет, у тебя еще два дня, ты отдыхай, – строго сказала Лили. – Сегодня у тебя будет великий день, вот увидишь! Главное – не запирай себя в номере.

И она выпорхнула из-за стола.

Надя медленно доела котлету по-киевски, запила ее яблочным соком. Подумала: «Нет, надо с Лилькой ехать...» Отбросив салфетку, решительно вышла из-за стола.

В длинном коридоре, ведущем к лестнице, Надю кто-то догнал, окликнул:

– Девушка, минутку... Девушка, разрешите познакомиться!

Она обернулась – крепыш среднего возраста, ровно на полголовы ниже ее. И с первой секунды почувствовала, что этот человек ей неприятен – она ненавидела самолюбивых зазнаек. А то, что крепыш принадлежит именно к этой породе, можно было определить сразу – по тому, как он победно и властно улыбался. Наверное, не сомневался, что Надя прямо сейчас бросится ему на шею!

– Я не собираюсь ни с кем знакомиться, – сказала Надя и пошла дальше по коридору.

Крепыш опять нагнал ее.

– Какая строгая... Меня зовут Семеном, а вас?

– Отстаньте! – Она даже не оглянулась.

В номере Надя начала собирать чемодан. Потом вспомнила, что оставила у Лили в номере свои брюки с майкой, когда переодевалась. Постучала в соседний номер, но никто ей не ответил. Дернула за ручку – дверь была открыта. Беспорядок, смятая постель, пустой подзеркальник... На спинке стула висела Надина одежда. «Уже умчалась...»

Надя вернулась к себе, упала на кровать. Шторы были распахнуты, и поэтому в комнате блестело все, что могло блестеть. Бежали тени по стене – это солнце играло в листве. Лили, по всему было видно, обожает Адама – что ж, ее стремительное бегство можно понять.

«Ладно, – решила Надя. – Останусь, так уж и быть. Два дня – не такой уж большой срок!»

В это время в дверь постучали.

– Да-да, не заперто! – крикнула она.

Почему-то она решила, что пришел Стас – ищет Лилу. Но это был вовсе не Стас, а белокурая пожилая администраторша, прижимавшая к груди объемистый гротеск.

– Надежда Викторовна? – натянуто улыбнулась она. – Произошло небольшое недоразумение...

– Что такое? – встревожилась Надя.

Администраторша раскрыла перед ней гроссбук и стала нервно объяснять, что Раиса Игоревна Колесова и Лилия Андреевна Лосева пробыли в санатории несколько дополнительных дней и уехали, так и не заплатив за них.

– Как? – изумилась Надя. – Не может такого быть...

Лилия и Рая, при всех своих недостатках, были довольно законопослушны.

Администраторша начала медленно краснеть, белокурые букли у нее на висках задрожали.

– Вы что, думаете, я вас обманываю? – зловеще спросила она.

– Нет, но... господа, они не нарочно! – прижала Надя руки к груди. – Наверное, они забыли! Понимаете, мои подруги уехали в страшной спешке – у них обеих семейные обстоятельства...

– Ну, я не знаю, забыли они или сделали нарочно, но извольте немедленно рассчитаться, поскольку это безобразие... За них и за себя в том числе! Не хватало, чтобы и вы сбежали... Три дня назад ко мне заходила Лосева, просила продлить путевку на пять дней и обещала расплатиться перед отъездом.

Администраторша кипятилась и отчитывала Надю, словно девчонку.

– Минутку, минутку! – закричала Надя. – Все в порядке... За себя я хоть сейчас готова рассчитаться. А что касается моих подруг – я позвоню им, и они привезут деньги! К вечеру все будет!

– Уж извольте... Кстати, я предупрежу охрану – просто так вас не выпустят с территории!

Строгая дама выплыла из номера, а Надя принялась лихорадочно нажимать на кнопки сотового телефона. У Раи долго никто не подходил, потом Надя услышала взволнованное Райкино:

– Але! Если ты еще раз, сволочь...

Судя по всему, Рая решила, что звонит Колесов.

– Рая, миленькая, это я! – закричала Надя. – Срочно приезжай – вы с Лилей забыли доплатить за себя, а у меня нет такой суммы...

– Надька, у меня семейная драма, а ты говоришь – приезжай! – зарыдала в голос Рая. – Пусть Лилька платит...

– Лилия уехала, я совершенно одна! – попыталась втолковать ей Надя.

– Позвони Лиле – у нее куча свободного времени, а я не могу... Потом отдам все, что должна. Ты же знаешь, я свои долги помню!

Рая нажала на отбой.

Надя растерянно посмотрела на телефон. Потом стала звонить Лиле. Городской номер не отвечал, а номер сотового голосом механического оператора сообщил, что «абонент недоступен».

«Ну да, когда Лилька с Адамом, она для всех остальных пропадает! – вздохнула Надя. – Нет, придется все-таки вызвать Райку».

Надя принялась снова звонить Рае, но у той тоже все номера вдруг оказались заблокированы. «От Колесова скрывается... Или поняла, что я могу ей перезвонить и потребовать, чтобы приехала именно она. Толстая корова!»

Надя звонила то Лиле, то Рае – без всякого успеха. В конце концов, даже аккумулятор у телефона сел, пришлось поставить его на подзарядку.

«Что же делать? – печально подумала она. – Занять денег у Стаса? Ерунда какая! Лилька его бросила, а я приду денег просить... Или оставить паспорт в залог и съездить в город за деньгами? Интересно, отпустят ли меня?..»

И тут Надя вспомнила о бывшем муже. Прохоров бы приехал. Она ни секунды не сомневалась в том, что ее муж приехал бы спасти ее, какие бы срочные дела у него ни были. Он считал себя человеком долга. «Однако это не помешало ему уйти к другой... Нет, даже если он и согласится приехать – все равно, видеть его не могу! Кто угодно, только не Прохоров!..»

За то время, что они расстались, она ни разу ему не позвонила. Даже в первое время, когда умирала от горя! Он – нет, звонил раза два или три, помнится, даже заходил к ней домой. Именно – к ней, потому что теперь это был не их, а только ее дом.

А потом до него дошло – она никогда его не простит. Ни-ког-да.

Ладно, бог с ним, с Прохоровым, но сейчас-то что делать? К кому еще обратиться?

Оставалась только Альбина.

Надя снова взяла в руки телефон.

– Альбиночка... – робко заговорила она, обращаясь к третьей подруге. – Ты не в курсе, где Рая или Лиля? Я, понимаешь, никак не могу до них дозвониться...

– А что случилось? – встревожилась Альбина. – Они что, пропали?

– Нет, ничего особенного... Они уехали – Райка из-за своего Колесова, а у Лильки Адам ее вернулся... Да, они уехали, и тут обнаружилось, что за три дня они забыли доплатить.

– Денег у тебя нет? – деловито спросила Альбина.

– Ну, я в состоянии только за себя заплатить...

– Сейчас приеду.

– Алька, не сходи с ума! Я что-нибудь придумаю! У тебя сердце, и все такое...

– Сердце есть у всех! – рассердилась Альбина. – Я не такая уж развалина, какой вы меня представляете. Жди, часа через два буду...

– А Леон?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.